

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ТОЛСТОГО

Статья К. Н. Ломунова и Б. С. Мейлаха

1

Пятьдесят лет назад В. И. Ленин писал о Льве Толстом: «Чтобы сделать его великие произведения достоянием *всех*, <...> нужен социалистический переворот»¹.

Осуществляя поставленную В. И. Лениным задачу сделать произведения Толстого «достоянием *всех*», наши издательства выпускают их огромными тиражами. За 65 дореволюционных лет (считая с 1852 г., когда появилось в печати первое произведение Толстого повесть — «Детство», и по 1917 г.) книги были изданы в России общим тиражом 10 784 000 экземпляров на 10 языках. За 43 советские года (с 1917 по 1 января 1961 г.) они изданы в нашей стране общим тиражом 99 572 000 на 82 языках².

Толстой создал великие произведения о своем времени, о народе, о родине, поставив в них такие вопросы «судьбы человеческой», которые всегда будут волновать миллионы людей. Он занял в истории русской литературы и общественной мысли такое место, что у Горького были все основания утверждать: «Не зная Толстого, нельзя считать себя знающим свою страну...». О всеобъемлющем характере его творчества Горький сказал: «Толстой — это целый мир»³.

Глубоко-национальный писатель, Толстой еще при жизни заслужил всемирное признание. И в наше время он является одним из самых популярных писателей мира. Как свидетельствует журнал «Курьер Юнеско», Толстой занимает первое место среди писателей всех стран по числу переводов его книг на иностранные языки, по количеству языков, на которые они переведены, и по числу переведенных произведений⁴.

Слово Толстого звучит сегодня на многих языках во всех концах земного шара. В выпускаемой Государственной библиотекой иностранной литературы библиографии «Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки» зарегистрированы книги писателя на 48 языках, вышедшие во многих странах Запада и Востока. Перечень этих изданий занял 40 печатных листов⁵.

Лев Толстой, наряду с Пушкиным, всегда находился в центре внимания нашей историко-литературной науки. Подобно «пушкиниане», советская «толстовиана» насчитывает тысячи работ. Достаточно сказать, что их библиография за 1917—1958 гг. заняла объемистый том почти в 800 страниц⁶. В ней зарегистрировано около 6000 названий книг и статей, целиком или частично посвященных жизни и творчеству писателя. Наряду с биографическими трудами и очерками о творческом пути Толстого здесь названо большое число других работ, в которых речь идет об отдельных сторонах наследия писателя, о различных вопросах и проблемах, возникающих при изучении его мировоззрения и творчества.

Так, например, в ряде книг и статей освещаются общественно-политические, философско-исторические, эстетические, литературно-критические, педагогические, морально-этические, религиозно-нравственные взгляды Толстого. В этих работах характеризуются сильные и слабые стороны мировоззрения писателя, социально-исторические условия, породившие сложность и противоречивость взглядов Толстого. При этом широко привлекаются новые материалы, опубликованные за последние годы в Полном собрании сочинений Толстого и в разных сборниках и периодических изданиях.

Все глубже и разностороннее изучается художественное творчество великого писателя. Наряду с книгами и статьями о важнейших периодах творчества Толстого и об отдельных его произведениях появились новые исследования, характеризующие художественный метод писателя, особенности его реализма, его мастерство. В целом ряде работ освещаются различные стороны поэтики Толстого, выясняется своеобразие его языка и стиля.

Для того, чтобы дать хотя бы самое общее представление о том объеме, который приобрели к настоящему времени отдельные разделы советской «толстовианы», приведем две цифры, взятые из «Библиографии литературы о Л. Н. Толстом. 1917—1958». В ее указателях зарегистрировано более 500 книг и статей, авторы которых в тех или иных аспектах пишут о «Войне и мире», и более 220 книг и статей, в которых идет речь об «Анне Карениной». Многие из этих книг и статей лишь частично посвящены проблематике толстовских романов, но все же эти цифры достаточно внушительны.

Заслуживают внимания книги и статьи советских литературоведов и критиков, освещающие такие темы, как «Мировое значение Толстого», «Толстой и русская литература», «Толстой и литература зарубежных стран», «Толстой и советская литература», «Толстой и наша современность» и т. д.

Уже простое перечисление круга вопросов и тем, связанных с изучением наследия Толстого, свидетельствует, что обзор советской «толстовианы» под силу скорее всего целому коллективу исследователей. В рамках настоящей статьи мы сможем коснуться лишь некоторых важнейших проблем изучения Толстого, немногих работ о писателе, вышедших за последние годы. При этом мы остановим внимание читателей преимущественно на работах, наиболее отчетливо показывающих общее направление, в котором развивается у нас изучение наследия Толстого*.

К сожалению, еще не составлена библиография литературы о Толстом, вышедшей на иностранных языках при жизни писателя и за полвека после его кончины. Такая библиография, несмотря на все трудности ее составления, должна быть обязательно подготовлена. С ее помощью мы еще более отчетливо сможем представить себе картину той острой идейной борьбы вокруг Толстого, которая началась со времени появления его имени в литературе и не утихает до сих пор.

Для представителей общественно-политических и литературных направлений, связанных с освободительной борьбой, Толстой — обличитель всех форм угнетения и рабства — всегда был национальной гордостью, писателем, выражавшим чаяния многомиллионных масс. Подвергая критике те стороны его взглядов, которые были связаны с Россией, ушедшей в прошлое, представители этих направлений вместе с тем видели величайшую заслугу писателя в его бесстрашной борьбе с деспотизмом, высоко ценили могучую силу его слова, звучавшего на весь

* Работы 1960—1961 гг., появившиеся в связи с 50-летием со дня смерти Толстого, не могли быть учтены в настоящем обзоре. — *Ред.*

мир. Именно из-за этих сторон деятельности Толстого его ненавидели и травили реакционеры — начиная от самодержцев и «жандармов во Христе». Но в борьбе вокруг Толстого использовались также и приемы прямой фальсификации, нередко замаскированной изъяснениями любви к нему.

Поэтому, чтобы понять подлинный смысл всякого рода писаний о Толстом, к какому бы времени они ни относились, нужно обращать внимание не на реверансы и «изъявления почтения» к писателю, а на внутреннее содержание и основные тенденции тех или иных оценок.

В зарубежной «толстовиане» — не мало интересного и ценного. Тонкие наблюдения и характеристики Толстого принадлежат ряду виднейших писателей и прогрессивных критиков Запада.

Но если внимательно присмотреться к направлению, в котором развивается современная зарубежная наука о Толстом, то нельзя не выделить нескольких ясно наметившихся тенденций. Одна из них заключается в подчеркнутом внимании к частным, нередко малозначительным эпизодам и фактам жизни и творчества писателя. Другая — в выдвижении на первый план религиозно-нравственного учения Толстого как якобы наиболее значительной части его наследия. Третья тенденция находит выражение в использовании творчества Толстого для политических, философских, эстетических и иных дискуссий, устраиваемых с целями, не имеющими ничего общего с подлинной наукой.

В конце июня — начале июля 1960 г. в Венеции состоялась международная конференция памяти Толстого. Наряду с интересными выступлениями итальянского писателя Гвидо Пьовене и других делегатов, говоривших о Толстом-художнике, на конференции был заслушан ряд таких докладов зарубежных исследователей, которые ничего нового в науку не внесли. Как пишет присутствовавший на конференции В. В. Ермилов, советских делегатов «глубоко поразило то обстоятельство, что почти все доклады и выступления зарубежных литературоведов и культурно-политических деятелей были посвящены религиозным, моральным, этическим взглядам Толстого и общим социологическим или политическим рассуждениям *по поводу* Толстого, в отрыве от художественной конкретности толстовских произведений. Как будто речь шла не об одном из величайших художников всех времен и народов, а лишь о религиозном проповеднике или даже политическом мыслителе!»⁷.

Это не значит, что такие проблемы, как «учение Толстого» или «Толстой-мыслитель», не заслуживают пристального внимания исследователей. Все дело в том, что в трактовке литературоведов идеалистических школ учение и взгляды Толстого нередко ограничиваются только его религиозно-нравственными идеями, а подлинное содержание последних излагается односторонне и тенденциозно.

Так, например, с докладом «Толстой вопрошает смерть» на конференции выступил французский литературовед Д. Жиллес. По мнению докладчика, Толстой всю жизнь терзался страхом смерти, и этот страх был главным импульсом его творчества. Всю жизнь он искал, но так и не нашел ответа на вопрос: «Что такое смерть?» «Но и не поняв, — говорит Жиллес о Толстом, — он победил смерть, обезоружив ее тем, что приготавливался к ней в течение 30 лет, разрывая узы, которые привязывали его к жизни». Борясь со страхом смерти, Толстой, уверяет Жиллес, «уничтожил в себе все человеческие желания...».

Нет нужды подчеркивать всю бесплодность и ошибочность подобного рода «исследований». Однако в современном зарубежном литературоведении они в большой моде.

На Венецианской конференции прозвучали голоса и таких «исследователей», которые не останавливаются перед прямой клеветой на

Толстого. Так, один из американских делегатов заявил, что Толстой якобы предрекал гибель искусства, если оно станет народным.

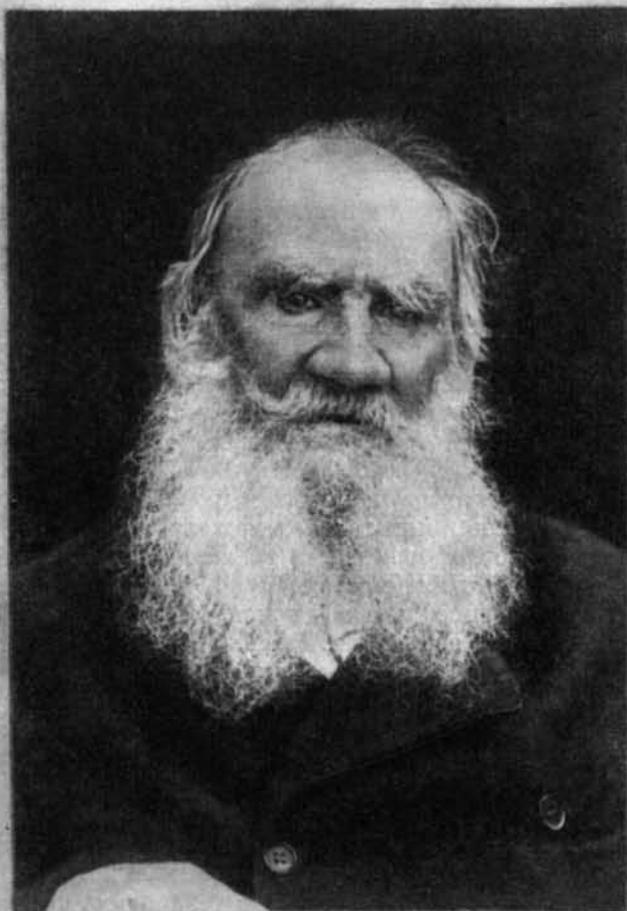
В апреле прошлого года в Нью-Йорке вышел специальный «толстовский» номер журнала «The Russian Review» (т. XIX, № 2). Редакция журнала предоставила свои страницы для очередного антисоветского выступления «деятели» белоэмигрантского «Толстовского фонда» в США Александры Толстой, выдумок немецкого профессора Р. Фюлеп-Мюллера, объявившего великого русского писателя... апологетом войны. Программный характер носит обзорная статья «Толстой в советской критике» Глеба Струве. Это сочинение, занимающее в журнале 15 страниц, написано с заранее заданной целью: «доказать», что все направление изучения Толстого в СССР, кроме раннего периода, охватывающего 20-е годы, было ошибочным и неплодотворным и что только в последнее время появились «обнадеживающие» тенденции к «лучшему». Что же, с точки зрения Струве, «мешало» нашему литературоведению до последнего времени? Он дает на это недвусмысленный ответ: мешали «директивы» В. И. Ленина (так Струве именует ленинские статьи и высказывания о Толстом).

Струве заявляет, что он не может понять, почему советские ученые придают такое большое значение статьям Ленина о Толстом. И, действительно, он обнаруживает их полное непонимание. Но это нисколько не мешает ему судить об этих работах Ленина вкривь и вкось. Чтобы оценить меру «осведомленности» Струве в том, о чем он берется писать, достаточно сказать, что в качестве виднейших представителей марксистской критики он выдвигает Л. Аксельрод-Ортодокс, а также И. Нусинова. Последний американским «специалистом» по русской литературе изображается своего рода «лидером» советского толстоведения. Но кому не известно, что эти авторы в своих статьях о Толстом выражали не подлинно-марксистские, а вульгарно-социологические взгляды на мировоззрение и творчество Толстого, о чем у нас писалось не раз (а об ошибочности старых статей Нусинова о Толстом сказано в предисловии к недавнему изданному сборнику его работ).

Это обстоятельство ни в малейшей степени не смущает Струве, в том же своем сочинении рекламирующего Г. Лукача в качестве «наиболее интересного» литературоведа-марксиста. Лишь мимоходом Струве сообщает, что сейчас Лукач «не может рассматриваться как советский ученый», что советские ученые считают его ревизионистом.

Заговорив об известном советском ученом Б. М. Эйхенбауме, американский критик одобрительно отзывается лишь о тех его работах, которые напечатаны более тридцати лет назад. Всем известно, что эти работы написаны с ошибочных формалистических позиций, которые сам ученый давно пересмотрел. Но этим-то старые работы и привлекают Струве: ведь в них нет даже простых упоминаний о Ленине и его статьях о Толстом. До предела примитивная система «учета» работ о Толстом Струве напоминает приемы царских цензоров: есть цитаты из Маркса или Ленина — значит плохо, нет — хорошо.

Струве ни слова не говорит о последних работах недавно скончавшегося Б. М. Эйхенбаума, где творчество Толстого рассматривается на основе ленинских характеристик и оценок наследия писателя. Разве, например, не показательное простое сопоставление ранних книг Эйхенбаума о Толстом с его статьей «О взглядах Ленина на историческое значение Толстого», напечатанной в 1957 г. в журнале «Вопросы литературы»? Исследователь в названной статье сетует, что ленинские работы все еще не до конца продуманы нашими литературоведами⁸. Разве подобное признание не показывает нам, в каком направлении развивалась научная мысль такого литературоведа, как Эйхенбаум? Но это меньше

Милому Гусеву отъ
любящего его друга
Льва Толстого.

25 окт. 1910.

ТОЛСТОЙ

Фотография 1909 г. с дарственной надписью: «Милому Гусеву от любящего его друга Льва Толстого
25 окт. 1910»

Собрание Н. Н. Гусева, Москва

всего интересуется Струве. Для него интересен лишь тот Эйхенбаум, который был давным-давно «лидером» формализма.

И к новым работам о Толстом, написанным советскими литературоведами, Струве обращается только с одной целью: найти в них, как он пишет, «растущую тенденцию» к отказу от ленинских взглядов на мировоззрение и творчество писателя. Видимо, Струве испытывал немалые затруднения, стараясь как-то «доказать», что в исследованиях советских ученых будто бы появилась тенденция к отказу от ленинской трактовки Толстого. Для этого он без зазрения совести и выдает статьи тридцатилетней давности за «новейшие» труды. Он не останавливается и перед бесчестными попытками отнести целый ряд советских литературоведов к числу противников ленинской концепции мировоззрения и творчества Толстого.

Так, например, Струве «одобрил» монографию А. В. Чичерина «Возникновение романа-эпопеи», утверждая, что она «не связана с марксизмом». Мы видели выше, что американского критика более всего привлекают книги и статьи, в которых он не находит выдержек из трудов Ленина и ссылок на них. Уж читал ли Струве книгу А. В. Чичерина, если не заметил в ней и цитат из ленинских произведений и ссылок на них? Но дело, разумеется, не в цитатах, а в том, что советский исследователь, изучая наследие Толстого, опирается на гениальные ленинские характеристики и оценки наследия писателя и руководствуется ими. Автор монографии «Возникновение романа-эпопеи» неоднократно обращается к работам Ленина и в частности к его статьям о Толстом. Он делает это, когда говорит о правдивости Толстого как художника, о его реализме, о силе и своеобразии его критики, о том, чьи взгляды и настроения она выражала, об историческом значении Толстого⁹: обращается к трудам Ленина и тогда, когда стремится найти прочные методологические основы для анализа художественного стиля Толстого¹⁰.

Этих страниц достаточно, чтобы судить о том, имеется ли в книге «Возникновение романа-эпопеи» тенденция к «отказу» от ленинской трактовки Толстого, в чем уверяет Струве читателей американского журнала. Мы же видим в этой книге как раз обратную тенденцию. Смысл ее состоит в отказе от догматического, начетнического использования статей Ленина о Толстом, в стремлении творчески подойти к ним. Верность ленинским взглядам определяется не числом цитат из произведений Ленина и ссылок на них, а идейной позицией исследователя, методологией его работы.

Не было никаких оснований у Струве и для зачисления в его «похвальный» список работ других советских исследователей, будто бы «ничем не обязанных» Ленину.

Не вопреки Ленину, не отказываясь от Ленина, чего хотел бы Струве, а неуклонно следуя научной ленинской концепции, творчески ее применяя при решении больших и сложных проблем, возникающих при изучении наследия писателя, советские литературоведы смогли создать ряд ценных трудов, обогащающих наше представление о Толстом, постоянно углубляющих наши знания о его жизни и творчестве.

2

Каковы же основные проблемы изучения Толстого, поставленные и освещенные в статьях Ленина о нем, а также вытекающие из этих статей?

Определяющими для нашей науки являются исходные методологические принципы подхода Ленина к освещению Толстого. В отличие от многих исследователей, критиков, публицистов, не вышедших в характеристиках Толстого за пределы «внутреннего мира» «одиноким души» писателя, Ленин рассматривает его кричащие противоречия не как блуждания его личной мысли, не как «оригинальничание» или «каприз», а как

отражение в его сознании сложных процессов исторической действительности. Найти фактор, определяющий как сильные, так и слабые стороны взглядов и учения Толстого в их взаимосвязи, — значило решить «загадку Толстого», о которой так много говорилось в русской и западноевропейской критике. Этим фактором, как показал Ленин, явилось патриархальное русское крестьянство, его роль и значение в освободительном движении. Этот вывод Ленин сделал не путем отвлеченных умозрительных построений, а в результате глубокого сопоставления взглядов Толстого, выраженных во всем его творчестве, с взглядами и настроениями крестьянства, с его поведением в период подготовки русской буржуазно-демократической революции. В первой же из своих статей о Толстом «Лев Толстой, как зеркало русской революции» Ленин наряду с характеристикой идеологии писателя приводил и факты непосредственно из истории крестьянского движения, доказывая, что в самом протесте крестьянских масс сказывалась ненависть к существующему строю, страстное стремление к его уничтожению и вместе с тем политическая незрелость, мягкотелость, непротивление злу насилием, — словом весь тот комплекс противоречивых устремлений, который характерен и для творчества, и для учения писателя.

Отсюда возникает важный вопрос, еще недостаточно разработанный нашим литературоведением: о своеобразии народности Толстого. В свете статей Ленина народность Толстого следует не только рассматривать как прямое представительство народных интересов, но изучать также ее прямую зависимость от степени развития народного самосознания. Говоря о том, что Толстой — «зеркало русской революции» — не понял революции, отстранился от нее, Ленин замечает, что такое отстранение было свойственно в то время даже определенным слоям ее участников. «...Среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, гоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий»¹¹. В статье Ленина содержатся положения, раскрывающие смысл этих слов: крестьянство, ненавидя существующий строй, стремясь к его уничтожению, относилось бессознательно к тому, какой борьбой нужно завоевать свободу. «Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»¹².

Об отражении Толстым взглядов и настроений крестьянства Ленин говорит неоднократно, подчеркивая исключительную полноту этого отражения. В статье «Л. Н. Толстой» Ленин отмечает, что «...горячий протестант, страстный обличитель, великий критик» проявил такое непонимание причин кризиса и путей выхода из него, «которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю»¹³. А в другой статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» Ленин указывает, что Толстой переносит психологию патриархального наивного крестьянина в свою критику, в свое учение.

Эти слова Ленина следует распространить и на отрицание Толстым всей культуры, если она не приближена непосредственно к сегодняшним интересам крестьянства и сегодня непонятна ему. Так он дошел и до отрицания науки, до «отрицания» Шекспира, поскольку его образы оказались далекими от чаяний и интересов «безземельного, нищего работника». Сила и слабость Толстого действительно выражались во всем, о чем бы он ни думал, ибо, по его собственному признанию, он на все стремился смотреть «снизу», «от 100 миллионов» (под которыми он подразумевал только патриархальное крестьянство). Глубокое понимание сущности народности Толстого выразилось и в словах, которые Ленин сказал Горькому: «До этого графа подлинного мужика в литературе не было»¹⁴.

Из всего этого следует, что изучать народность Толстого нельзя без глубокого проникновения в психологию пореформенного крестьянства, без всестороннего изучения его положения, его стремлений, его поведения в истории русской революции. Это не значит, что анализ литературных произведений должен быть подменен работой историка крестьянства или крестьянского движения: речь идет об изучении того, как историческая действительность отразилась в творчестве Толстого и, одновременно, как она явилась фактором, определившим мировоззрение художника и его социальную позицию. То, что Ленин шел именно таким путем, подтверждает сопоставление его характеристики генезиса и сущности взглядов Толстого с характеристиками крестьянства, которые содержатся в ряде работ Ленина, посвященных роли и месту крестьянства в подготовке буржуазно-демократической революции. Обобщенный вывод Ленина о Толстом как о «зеркале русской революции» сложился на основе одновременного изучения Толстого и исторических особенностей русской крестьянской революции, т. е. той действительности, тех социальных сил, которые определили взгляды писателя в их совокупности.

Другой важной проблемой изучения Толстого, непосредственно связанной с общим ленинским подходом к его творчеству, является проблема своеобразия его как художника.

Буржуазные критики не раз писали о том, что марксизм игнорирует природу искусства и что ленинская характеристика Толстого относится к его социальным идеям, а не к художественным произведениям. Но подобные утверждения (которые преследуют цель дискредитации марксистского понимания искусства) свидетельствуют или о злостном извращении ленинской постановки вопроса, или о нежелании вникнуть в содержание его статей. На самом же деле Ленин рассматривает силу Толстого, его значение как результат отражения великим художником существенных сторон действительности.

Ленин постоянно подчеркивает, что открытия Толстого — это открытия *гениального художника*, сумевшего отразить народное море, взволновавшееся до самых своих глубин. Это не значит, что тем самым отрицаются сильные стороны обличительной публицистики Толстого, например его знаменитой статьи «Не могу молчать», сыгравшей (вопреки своей морализующей тенденции) столь большую роль в борьбе против самодержавия и реакции. Это не значит также, что творчество и учение Толстого можно разрывать: речь идет о неразрывной связи идейного содержания и эстетической ценности его творчества.

«Критика Толстого не нова, — писал Ленин. — Он не сказал ничего такого, что не было бы до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразии критики Толстого и ее историческое значение состоят в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России»¹⁵. Таким образом, значение Толстого определяется двумя взаимосвязанными моментами: величиной отраженных им исторических процессов и его гениальностью художника. Именно потому, что критицизм Толстого — это критицизм великого реалиста, выросшего на почве живой жизни, он обладает и колоссальной познавательной силой, и непревзойденной силой воздействия.

Так, стремясь следовать за ходом внутренней логики статей Ленина о Толстом, мы подходим к проблеме его реализма.

Толстовский реализм в свете ленинских определений предстает как правдивое отражение жизни, воссоздающее одну из величайших эпох русской истории, и вместе с тем проникнутое ярко окрашенным, страстным, индивидуально-неповторимым восприятием художника.

Милостиво пишу, Леонид Фрунзе в
стихи "72". У меня сведения, ко-
нечно, и сведения очевидца о том
сно. вконец. Конечно.

Кому Мозгов будет полезен
Нам итак, у Мозгова "Буль-
ва" как статья о том. Вероятно,
я Восток Франца и Мозгов
кому Мозгов и его Мозгов
Фрунзе о "Кому Буль" в 4.0. (Слова
и "Мозгов", и "Мозгов" (Слова и
Мозгов и Мозгов) — Мозгов
там Восток, Мозгов. Мозгов
Мозгов Мозгов и Мозгов. Мозгов
Мозгов (Мозгов в 16.00) Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов и Мозгов

Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов

Что Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов

Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов
Мозгов Мозгов Мозгов Мозгов

Слияние этих двух сторон — объективного воспроизведения жизни и идейно направленной оценки ее — Ленин не раз подчеркивает в своих характеристиках творческой деятельности Толстого. Ленин претворяет таким образом в конкретной характеристике творчества писателя одно из важнейших положений марксизма, который рассматривает отражение жизни в человеческом сознании как субъективный образ объективного мира.

Широко известны слова Ленина о том, что «„без человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹⁶. Тем более, конечно, без богатства эмоций не может быть искусства. Но когда говорят о статьях Ленина, посвященных Толстому, то, подчеркивая в них (и совершенно правильно) основной тезис — об отражении Толстым противоречий объективно-исторического развития, — не обращают, однако, должного внимания на то, как Ленин оценивает субъективные особенности этого отражения в творчестве Толстого. А между тем Ленин акцентирует их очень энергично: «...замечательно сильный, непосредственный и искренний протест...»¹⁷; «Его горячий, страстный <...> беспощадно-резкий протест...»; «Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение...»; «...горячий протестант, страстный обличитель...»¹⁸; критика Толстого отличается «силой чувства», «страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием...»¹⁹. Все эти индивидуальные особенности Толстого вызваны той позицией, которую он занял в современной ему действительности как выразитель настроений многомиллионного крестьянства.

Из статей Ленина следует, что сила Толстого, которая заключается в его позиции выразителя протеста многомиллионного крестьянства, обусловила силу его реализма и в частности глубокий аналитический характер его реалистического метода. На примере ленинского анализа творчества Толстого можно убедиться, как чуждо марксистское понимание принципов отражения жизни в искусстве представлению о нем как о плоском натуралистическом фотографировании. Ленин пишет в статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение»: «Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы»²⁰. Но это были изображения *аналитические*. Имея в виду именно эту их особенность, Ленин в другой статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» говорит о том, что к сильным сторонам писателя принадлежит «вскрытие всей глубины противоречий» современной жизни, «самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок...»²¹. Умение «дойти до корня» в высшей степени характеризует реализм Толстого.

Но вместе с тем ошибочно полагать, что слабые стороны, присущие позиции Толстого, никак не влияли на художественный метод писателя. Нашему литературоведению еще предстоит в конкретном анализе раскрыть, как и в чем сказались в художественных произведениях Толстого те особенности его взглядов, которые Ленин критиковал с присущей ему прямоотой, говоря, что в них сказался «помещик, юродствующий во Христе». Любителям «юбилейного славословия» может показаться странным, что в издании, приуроченном к памятной дате, мы напоминаем и об этих словах Ленина. Но Ленин, для которого Толстой был самым любимым писателем, постоянным его литературным спутником, сказал об этом в статье, написанной к юбилею — 80-летию со дня его рождения. Признавая огромное значение Толстого, он вместе с тем не сглаживал острых углов, говоря полным голосом также о вреде, который принесла толстовская проповедь утонченной религии. И нашей науке, не уклоняясь от сложности вопроса, предстоит рассмотреть, в какой степени слабые стороны взглядов Толстого сказались и в его художественном творчестве. Ленин

объяснил, почему Толстой сумел с такой полнотой, с такой искренностью отразить настроения крестьянства: писатель, по рождению и воспитанию принадлежавший к высшей помещичьей знати, «порвал с привычными взглядами этой среды», т. е. перешел на позиции другого класса, патриархального крестьянства²². Но приведенные выше слова Ленина о «помещике, юродствующем во Христе» требуют раскрытия: у Ленина здесь, как и за каждым его определением, точным и лаконичным, стоит конкретное содержание. Конечно, при изучении этого вопроса нужно постоянно помнить о возможных рецидивах вульгарного социологизма, сводившего слабые стороны писателя к его родословной. Здесь речь идет о другом: в какой степени, скажем, изображенный в духе философии толстовства финал исканий Константина Левина в «Анне Карениной» связан с идеологией, родственной именно дворянину, хотя и осознавшему «грех» своего класса, сознательно оторвавшемуся от него? Во всяком случае игнорировать этот вопрос нельзя.

В связи с проблемой реализма нужно еще раз сказать об уже подвергнутой критике в нашей печати ревизионистской концепции югославского критика Йосипа Видмара. Видмар утверждал, что, согласно Ленину, величие Толстого как художника определяется независимо и даже вопреки его мировоззрению, что «несравненные картины русской жизни», изображенные писателем, якобы не имеют никакого отношения к его социальной позиции. Между тем, каждому, кто знаком со статьями Ленина, известно, что Ленин говорит об отражении противоречий Толстого и в его взглядах, и в творчестве, и в учении. Марксистскому литературоведению чужда трактовка реализма как метода, который действует автоматически, независимо от мировоззрения художника.

В истолковании Толстого Йосипом Видмаром сказывается и еще одна особенность: социальную позицию писателя он толкует как сплошь реакционную, пытаясь при этом опереться на взятые вне контекста некоторые формулировки ленинских статей, а на деле повторяя в ухудшенном варианте домыслы вульгарных социологов, извращавших наследие Толстого. Но суть здесь не только в односторонности понимания социальной позиции писателя.

Ленин в ходе критики взглядов Толстого говорит и о их реакционных сторонах. Но в трактовке понятия «реакционность», употребляемого в данном случае Лениным, необходима абсолютная точность. Ведь именно этим понятием, извращая Ленина, пользовались чуждые марксизму критики, рассуждая о Толстом примерно так же, как о представителях антинигилистической литературы 60-х годов. Вульгаризаторы подкрепляли свои рассуждения надерганными из публицистики Толстого цитатами, в которых он действительно в резкой форме порицает революцию и революционеров; но при этом они игнорировали и объективно революционизирующую сущность обличения Толстым всего существующего строя и контекст его статей, рождавших у читателя ненависть к самодержавию и реакции. Поскольку вопрос о том, как понимать «реакционность» в применении к критике слабых сторон Толстого, является весьма важным, остановимся на нем несколько подробнее.

Нельзя не учитывать, что, говоря о реакционности учения Толстого, Ленин безусловно имел в виду объективное реакционное значение этого учения вопреки субъективным намерениям писателя. Такого рода трактовку понятия «реакционность» (в отличие от обличения сознательных и убежденных защитников реакции) мы встречаем у Ленина неоднократно по отношению к определенным деятелям. Разъясняя, например, содержание терминов «мелкобуржуазность» и «реакционность» по отношению к взглядам Сисмонди, Ленин писал в работе «К характеристике экономического романтизма»: «Эти термины вовсе не указывают на эгоистические

вождедения мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об *ошибочности* точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины»²³. Конечно, не может быть прямой аналогии между, скажем, Сисмонди и Толстым. Но несомненно, что абсолютно утопические и реакционные в прямом смысле слова средства изменения общественных порядков (путем религиозно-нравственного самоусовершенствования и т. п.) Толстой также предлагал «для достижения весьма хорошей цели», — во имя социальной справедливости, уничтожения самодержавия и эксплуатации народа, ликвидации частной земельной собственности и т. д. Он не создавал, что предлагаемые им средства на деле привели бы лишь к упрощению «царства господского».

Подобного рода противоречия между объективной сущностью и функцией тех или иных идей и субъективными намерениями отдельных деятелей встречались нередко²⁴.

Конечно, оттого, что рассуждения о религиозно-нравственном совершенствовании как пути уничтожения рабства продиктованы субъективно-«хорошими» намерениями, объективная сущность этих рассуждений не становится менее реакционной, и вред, который они в себе заключают, не уменьшается. Но для понимания писателя и его духовной драмы, для точного понимания его позиций это противоречие между субъективными намерениями и объективной функцией той или иной идеи имеет существенное значение.

Гениальный анализ Лениным кричаще-непримиримых сторон Толстого, т. е. страстного, полного ненависти обличения и призыва к всепрощению и «всеобщей любви», протеста и смирения, — является непревзойденным образцом проникновения в необычайно сложную систему взглядов Толстого и его психологию. В статье «Л. Н. Толстой» Ленин писал: «Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией *превращалась* у него в отрицание политики, приводила к учению о „непротивлении злу“, привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью *совмещалась* с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, *совмещалось* с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат»²⁵.

На эти слова Ленина до сих пор не обращено в литературоведении должного внимания, а между тем они раскрывают, каким образом и почему борьба с самодержавием и казенной церковью, со всеми формами реакции и угнетения народа приводила Толстого к реакционным выводам! Отсюда понятно и положение, которое Ленин развивает в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха». Утверждая, что учение Толстого реакционно, Ленин здесь же замечает: «Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов»²⁶.

Все это дает основу не только для верного понимания всей сложности мировоззрения Толстого, но и является предупреждением тем, кто

рассматривает его учение плоско и однолинейно. Тем более недопустима недооценка политической публицистики Толстого, где верное соседствует с неверным, острейший критицизм и обличение существовавшей социальной системы — с антиреволюционными моралистическими призывами и увещаниями.

Глубоко новаторской является и постановка Лениным проблемы мирового значения Толстого и его национального своеобразия.

Интернациональное значение Толстого и его национальное своеобразие показаны Лениным как диалектическое единство: закономерности исторического развития России, обусловившие характерные особенности идеологии Толстого, являющиеся типичными для многих стран и народов на определенных этапах всемирной истории, а поставленные Толстым проблемы русской действительности оказываются актуальными для всего современного человечества. Тем самым концепция Ленина противостоит реакционным истолкователям Толстого в России и на Западе, которые, умалчивая о том действительно новом и оригинальном, что внесено великим писателем в мировую литературу, выдвигали на первый план толстовскую идею «непротивления» и именно ее относили к исконным свойствам «русской души». В противовес подобным «истолкователям» Ленин рассматривал и сильные и слабые стороны Толстого в их противоречивом сплетении как отражение противоречивости исторического развития: это был период, когда старая, патриархальная Россия «стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма», период быстрой, тяжелой ломки старых «устоев», период роста «...того протеста против надвигающегося капитализма <...>, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней»²⁷. Переходный характер этого времени Ленин охарактеризовал словами Левина из «Анны Карениной» о перевале русской истории: «У нас теперь все это перевернулось и только укладывается». То, что «перевернулось», — это «старый порядок», то, что «укладывается» и что Толстой «не хочет видеть», — это буржуазный строй. Такого рода столкновения двух тенденций исторического развития — феодальной и капиталистической — некоторые страны мира к тому времени, когда выступил Толстой, уже пережили, другим же странам еще предстояло его пережить. Поэтому Ленин и писал, что в творчестве и взглядах Толстого отразилась «эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками...».

Национальное своеобразие творчества Толстого, определившее также и его мировое значение, заключается в том, что оно «с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России». Мировое значение Толстого отражает мировое значение русской революции. Острый критицизм Толстого, непосредственно направленный против политической системы царской полукрепостнической России, подрывал вместе с тем основы всякого эксплуататорского строя. Именно поэтому творчество Толстого оказало и продолжает оказывать огромное революционизирующее влияние на передовые литературы различных стран мира, на все прогрессивное человечество.

Непревзойденное искусство Толстого как писателя, величие его идей гуманиста, друга угнетенных, обличителя социальной несправедливости, отражение в его произведениях всемирно-исторической эпохи ломки старой России, — все это объясняет, почему сочинения Толстого по числу переводов занимают первое место в мировой литературе.

Наше литературоведение за последние годы создало ряд работ, в которых изучение проблемы мирового значения Толстого ведется в широкой перспективе.

Вместо поверхностных обзоров, в которых материалом служили лишь высказывания писателей различных стран о Толстом, стали появляться исследования, в которых рассматривается и борьба вокруг Толстого в общественно-литературном движении за рубежом, и отношение различных писателей мира к его идейным и художественным традициям. Среди работ на эту тему выделяется монография Т. Л. Мотылевой «О мировом значении Л. Н. Толстого» (М., 1957), получившая в нашей прессе положительную оценку²⁸. Проблема, обозначенная в заголовке книги, рассматривается здесь в двух отношениях: «Толстой — новатор мировой литературы» и «Толстой и зарубежные писатели». Т. Л. Мотылева сосредоточивает свое внимание на тех сторонах творчества Толстого, которые особенно важны для понимания его всемирного значения. Она путем конкретного анализа обширного материала показывает, что Толстой раскрыл художникам всего мира новые пути реалистического изображения человека. Автор, учитывая широту темы, ограничил себя (и это оправдано) рассмотрением творчества ряда писателей Франции, Англии, США, Германии, Польши, Болгарии и Чехословакии: здесь читатель находит много интересных наблюдений и выводов (хотя надо сказать, что материал по отдельным странам освещен неравномерно). Разумеется, мы лишь в начале исследования этой поистине необъятной темы. Остаются до сих пор почти неизученными вопросы влияния Толстого на литературы стран Востока — Китая, Японии, Индии и др. Да и литературы стран Запада (в частности, Скандинавии) ждут еще в этом плане внимания исследователя. Требуется конкретная разработки и вопрос о влиянии Толстого на отдельных крупнейших писателей мира (как это делает тот же автор в ценной книге «Творчество Ромена Роллана». М., 1959).

В числе важнейших проблем, освещенных в статьях Ленина, находится проблема «Толстой и современность». И здесь ленинский подход является для нас основополагающим.

Ленин не ограничивается выяснением источника противоречий Толстого, но устанавливает роль его наследия для общественного развития, для современного этапа революционной борьбы. В годы, когда Ленин писал свои статьи о Толстом, актуальной задачей было разъяснение массам значения толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии, помещичьему землевладению. Таким образом, Ленин вскрыл революционизирующую роль творчества Толстого, совершенно бесспорную, несмотря на то, что у Толстого «обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат»²⁹. Постоянно подчеркивая огромное, непреходящее, бессмертное значение творчества Толстого — национальной гордости русского народа, — Ленин дал всесторонний анализ и потрясающе сильных, и до парадоксальности слабых сторон творчества и взглядов Толстого. Ленин именно для того и выступал против иллюзий, возникших у Толстого в его трагических поисках истины, чтобы подобные иллюзии ни при каких условиях и поворотах истории не могли ослабить решительности, последовательности, революционной сознательности, организованности в борьбе против враждебных народу сил. В этом и заключался смысл ленинского призыва взять у Толстого то, что «принадлежит будущему», для того, чтобы массы «научились спланиваться в единую миллионную армию социалистических борцов».

Образцом для нашей критики является обличение Лениным фальсификации взглядов Толстого, которая шла из лагеря контрреволюционных либералов, меньшевиков и т. д. Задача советской критики — давать отчет всем попыткам принизить Толстого, исказить его облик — попыткам,

ТОЛСТОЙ НА ОТДЫХЕ ПОСЛЕ РАБОТЫ

Литография с рисунка Д. О. Видкофа
«Газета-Копейка», СПб., 1910. Иллюстрированное приложение № 98.

Местонахождение оригинала неизвестно

которые до сих пор не прекращаются и открытыми приверженцами капитализма, и современными ревизионистами за рубежом.

Толстой остается нашим союзником в борьбе за осуществление во всем мире идеалов свободы, гуманизма, справедливости, — тех великих идеалов, которые он часто облекал в утопические формы. Он остается нашим союзником и союзником всех народов земного шара в борьбе против членоконенавистничества, расизма, милитаризма, в борьбе за мир во всем мире, за всестороннее развитие личности, за счастливую жизнь для всех трудящихся. В этом видим мы на современном этапе смысл слов Ленина, звучащих для нас как завет, слов о том, что наследство Толстого «берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

Мы смогли коснуться далеко не всех вопросов, которые возникают в связи с циклом статей Ленина о Толстом. Будучи теоретическим фундаментом нашего литературоведения в целом, они являются подлинной научной программой исследования всех самых сложных вопросов мировоззрения, биографии, творчества Толстого, его всеобъемлющей деятельности. Следовать Ленину — значит творчески развивать его идеи и положения. Поэтому особенно нетерпим здесь столь чуждый всему духу ленинского учения догматический подход. Между тем примеры такого догматизма имеются. Так, например, из слов Ленина о том, что Толстой «и как художник, и как мыслитель» принадлежит «главным образом к эпохе 1861—1904 годов», делался вывод о том, что сама постановка вопроса об отражении им настроений крестьянства после 1905 г. неправомерна и что будто бы после 1904 г. вся деятельность его сводилась к религиозно-нравственной проповеди! Мало внимания уделялось и исследованию тех тенденций во взглядах и творчестве Толстого до «перелома», которые сделали возможным его переход на новые позиции в начале 80-х годов. Характеризуя сильные и слабые стороны Толстого, литературоведы не уделяют

должного внимания изучению конкретного соотношения их в различные периоды его жизни в зависимости от общественно-политической борьбы и изменений в настроениях крестьянства.

Новые факты идейной эволюции Толстого, ставшие известными лишь в последние годы, снова и снова подтверждают верность определений, которые в свое время дал Ленин. Новый огромный материал дневников, писем, замыслов Толстого, завершение публикации его наследия в полном объеме дают возможность на основе ленинской методологии, ленинских теоретических принципов поставить и осветить новые, еще не решенные нашей наукой вопросы.

3

Одной из важнейших задач советского литературоведения является создание капитальной, подлинно научной биографии Толстого. Его жизненный и творческий путь, его идейная эволюция должны быть показаны в тесной связи с историческим и общественно-литературным движением его времени. Только на таких принципах, чуждых эмпиризму, предполагающих широкий анализ жизни и деятельности писателя в связи с его эпохой, и может быть основана научная биография.

Как уже говорилось выше, методологические основы для написания такой биографии писателя даны в ленинских статьях и высказываниях о Толстом. Что же касается «строительного материала», который нужен для ее создания, то он подготовлен в достаточной мере, благодаря огромной работе, проведенной советскими исследователями по собиранию, изучению и публикации разнообразных биографических источников, материалов и документов.

Основным источником материалов для биографа служат девяносто томов Полного собрания сочинений Толстого — «Юбилейного»*.

«Писанье мое есть весь я», — указывал Толстой, выразив в этих словах значение своих произведений для тех, кто изучает историю его жизни. Один из биографов писателя Н. Н. Гусев свидетельствует: «Мне лично пришлось беседовать с Л. Н. Толстым о значении его произведений как материала для биографии по поводу вышедшего в 1908 году второго тома его биографии, написанной П. И. Бирюковым. Я высказал Льву Николаевичу свое мнение, что из его произведений можно гораздо больше узнать о его жизни, чем из этой работы П. И. Бирюкова. Лев Николаевич сейчас же и, как мне показалось, даже с некоторым удовольствием согласился с этим». Н. Н. Гусев рассказал об этом эпизоде с целью подкрепить справедливую мысль о том, что «творчество всякого писателя составляет неотъемлемую часть его биографии»³⁰.

Наряду с текстами художественных и публицистических произведений Толстого первостепенное значение для биографа имеют, разумеется, дневники и письма писателя. Так, например, Толстой указывал, что его письма к А. А. Толстой представляют собой «один из самых лучших материалов» к его биографии³¹.

Нам известно более 10 тысяч писем Толстого к разным лицам и более 50 тысяч писем к нему, полученных писателем со всех концов земного шара. В Полном собрании сочинений Толстого письма и дневники заняли 45 томов — половину всего «Юбилейного» издания.

Ценным источником для биографа Толстого служит мемуарная литература о великом писателе. Значительное число воспоминаний о Толстом до сих пор не опубликовано. Так, например, из 200 печатных листов «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого до настоящего времени

* Подробную характеристику «Юбилейного» издания см. во 2-й книге настоящего тома «Литературного наследия». — *Ред.*

напечатано не многим более 20 листов. Известны лишь небольшие извлечения из «Ежедневников» С. А. Толстой, а также из ее воспоминаний «Моя жизнь». Многие из мемуаров, опубликованных еще при жизни писателя, «затерялись» в старых периодических изданиях и давно забыты.

Разыскания неопубликованных, а также забытых мемуаров о Толстом — одна из задач в области изучения его биографии. Другой серьезной и важной задачей является строгая и объективная критическая проверка и оценка мемуарной литературы. Как справедливо указывает Н. Н. Гусев, «здесь наряду с несомненными данными сплошь и рядом мы находим совершенно фантастические сведения, большей частью бессознательное, а иногда и сознательное искажение фактов»³². Особенно строгой критической проверке должны подвергнуться мемуары, написанные не по следам событий, а спустя много лет. В критической оценке нуждаются воспоминания о Толстом, авторами которых являются близкие к нему лица — члены семьи писателя, его единомышленники. Сами они часто указывали, что не претендуют на беспристрастие в рассказах, скажем, о «яснополянской трагедии». А, например, в мемуарах сына писателя Льва Львовича мы встречаемся с серьезным и намеренным искажением истории его отношений с отцом и причин ухода Толстого из Ясной Поляны.

Идя навстречу большому читательскому интересу к мемуарной литературе о Толстом, Государственное издательство художественной литературы в 1955 г. выпустило двухтомник «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников». В этом издании помещены мемуары более 80 авторов. В 1960 г. двухтомник вышел вторым изданием в еще большем объеме. При этом, в отличие от первого издания, в него не вошли воспоминания ряда авторов, выпущенные за последние годы отдельными книгами.

Большой интерес вызвали переиздания в 1959 и 1960 гг. дневника секретаря писателя — В. Ф. Булгакова «Л. Н. Толстой в последний год его жизни» и первого тома книги А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого». В 1949 и в 1956 гг. вышли «Очерки былого» С. Л. Толстого, где содержатся ценные сведения. Нужно надеяться, что в ближайшем будущем будут также переизданы четыре тома дневников С. А. Толстой, опубликованные в 1928—1936 гг., давно ставшие библиографической редкостью; что будет сделан перевод на русский язык изданного в 1957 г. в Париже «Дневника» старшей дочери писателя Т. Л. Толстой-Сухотиной, и осуществлено новое издание книги И. Л. Толстого «Мои воспоминания», впервые вышедшей в 1933 г.

Биографу, несомненно, легче вести разговор с читателем, хорошо знающим мемуарную литературу о Толстом. Но это же обстоятельство обязывает его заняться анализом и оценкой освещения фактов жизни и творчества Толстого теми мемуаристами, книги которых пользуются известностью. Это особенно необходимо потому, что нередко одни и те же факты жизни и творчества Толстого по-разному освещаются авторами воспоминаний.

Важнейшие источники для изучения биографии Толстого содержатся в многочисленных фондах, хранящихся в центральных и областных архивах СССР. Эта группа материалов за последние годы пополнилась многими ценнейшими документами, относящимися к самым разным периодам жизни Толстого — от детских лет и до последних дней. Приведем лишь несколько примеров, свидетельствующих о том, какие находки делаются исследователями, ведущими настойчивую работу по разысканию материалов о Толстом. Эти примеры опровергают бытующее в литературоведческой среде мнение о том, что собирательская работа по Толстому была интересной и плодотворной лишь в 20-х и самом начале 30-х годов, когда были обнаружены целые пласты новых материалов о Толстом. Конечно, теперь разыскания архивных материалов требуют больших усилий: то,

что лежало на поверхности, в основном опубликовано. Но тем дороже для нас каждая новая находка, в особенности, если она проливает свет на малоизвестные, но важные эпизоды из жизни и деятельности Толстого.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится архив матери писателя Марии Николаевны Толстой, поступивший сюда еще в дореволюционные годы, но до последнего времени остававшийся вне поля зрения исследователей. В состав этого архива входят: учебные тетради Марии Николаевны по разным предметам знаний; выполненные ею переводы художественных произведений английских, французских и немецких писателей; собственные сочинения Марии Николаевны (стихи и одна поэма); сделанное ею описание яснополянской библиотеки; дневник воспитания старшего сына Николаеньки³³. Эти материалы помогают отчетливее представить облик матери писателя, умершей, когда ему не было и двух лет. Они подтверждают, что мать Толстого была «очень хорошо образована для своего времени» и что она, как писал Толстой в «Воспоминаниях», «должна была быть чутка к искусству».

Несомненный интерес представляет серия вновь найденных документов, относящихся к годам военной службы Толстого. Так, в Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве исследователи нашли подлинные тексты военных проектов, составленных Толстым, — участником героической обороны Севастополя. Проекты о реорганизации армии и в частности о перестройке артиллерийских батарей свидетельствуют о том, что Толстой был не только горячим патриотом, но и опытным офицером-артиллеристом, хорошо знавшим военное дело. Найденные в том же архиве документы о запрещении военного журнала, который собирался издавать Толстой в Севастополе, показывают, что уже тогда «синие» (т. е. жандармы) взяли молодого писателя под сильное подозрение³⁴.

Вновь обнаруженные в архивах материалы зачастую позволяют по-новому осветить ряд важнейших тем, связанных с изучением не только жизни и деятельности Толстого, но и его мирового значения. Характерна с этой точки зрения, например, история исследования такой темы, как «Толстой и Восток». Книги и статьи зарубежных исследователей, посвященные проблеме связей Толстого с народами восточных стран, написаны с определенной тенденцией: доказать, что Восток интересовал Толстого только как родина буддизма, лаотизма, индуизма и других религий, а влияние Толстого в странах Востока существует лишь как влияние его религиозно-морального учения³⁵.

Односторонность и тенденциозность подобных утверждений становится очевидной из переписки Толстого с выдающимися писателями, общественными деятелями и простыми людьми восточных стран. В недавно вышедшей монографии А. И. Шифмана «Толстой и Восток» впервые опубликованы письма Толстому известного писателя и общественного деятеля Японии Токутоми-Рока. В этой книге приведено более 30 писем к Толстому и других японцев. Здесь мы находим также около 40 писем к Толстому, присланных из Индии, ряд писем арабских, турецких и других корреспондентов. Здесь же впервые публикуется переписка Толстого с известным тюркологом О. С. Лебедевой, переведившей на турецкий язык несколько произведений Толстого³⁶.

Основываясь на присланных Толстому письмах и его ответах восточным корреспондентам, исследователь приходит к справедливому выводу о том, что Восток интересовал великого писателя не только учениями своих философов, но и острейшими социальными контрастами. Его возмущение вызывали политика империалистов-колонизаторов, расовая дискриминация.

Передовые деятели Индии, Китая, Египта и других стран Востока видели в Толстом могучего защитника поработенных народов, великого писателя-гуманиста. Конечно, на Востоке имела большое влияние и религиозно-нравственная проповедь Толстого. Но все прогрессивные деятели этих, как, впрочем, и всех других, стран мира ценили Толстого за его бесстрашное обличение социального, национального и иного угнетения людей.

Ценнейшие документы из архивов государственных учреждений дореволюционной России, опубликованные в советские годы, характеризуют отношение царских властей к Толстому. Многие еще ждут публикации. Фонды таких документов огромны по своему объему. Достаточно сказать, что в одном только Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде хранится 1180 дел о Толстом и его произведениях. Здесь находятся дела, о содержании которых красноречиво говорят их названия: «О запрещении произведений графа Льва Толстого», «О запрещении распространять сочинения Л. Н. Толстого, изданные за границей», «О недопущении сочинений Л. Н. Толстого в народные библиотеки и читальни», «Об отлучении Л. Н. Толстого от церкви» и т. д.

К этим материалам примыкают многочисленные письма и циркуляры с грифами Министерства внутренних дел, Министерства просвещения, Главного управления по делам печати, С.-Петербургского цензурного комитета, Синода и ряда других учреждений и ведомств. Огромное число дел содержат донесения цензоров о «крамольных» произведениях Тол-

4/ своего перевода. Марку
и талант обобщен
судить от отца нем.
У нас есть переводы. Мн.
Всем по справкам. Учера
заказ подь реферата Мн.
спраш, — шведск-доку, ко-
тоу с чужь рефератами ко
Швейцарии в одобр.
Норуда спрощ адтис ка
дурная. Сухо, холодно (квар.
дура очес жонкас чужас), иу-
китить недурно.
Кривик жив один.
много, много дорогая, и
успешно дождит Тильон Мн.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЛЕНИНА
К МАТЕРИ ОТ 19 ЯНВАРЯ
1911 г. С УПОМИНАНИЕМ О
ЧТЕНИИ ИМ В ПАРИЖЕ РЕФЕ-
РАТА О ТОЛСТОМ И ПРЕД-
ПОЛАГАЕМОЙ ПОЕЗДКЕ
С ЭТИМ РЕФЕРАТОМ
ПО ШВЕЙЦАРИИ

Лист 1 об.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС, Москва

стого. Здесь же хранятся корректуры его книг, уничтоженных по требованию цензуры³⁷. В свете этих документов Толстой предстает перед нами как «поднадзорный» писатель, за которым органы политического контроля самодержавия неотступно следили.

Исключительное значение имеют оставшиеся до последнего времени во многом неизвестными архивные документы, относящиеся к последним годам жизни Толстого. «Семейная драма» Толстого, его уход из Ясной Поляны, последние семь дней жизни на захолустной станции Астапово, кончина писателя и его похороны явились событиями, глубоко потрясшими русское общество, взволновавшими миллионы людей во всем мире. Казенная и либеральная печать старалась всячески исказить и преуменьшить значение этих событий. Документы же, извлекаемые из архивов, показывают во всем ее цинизме иезуитскую тактику самодержавия в дни болезни, смерти и похорон писателя, раскрывают «мероприятия», которые проводились властями для того, чтобы помешать народу выразить свою любовь и уважение к Толстому, достойным образом почтить его память. Однако, несмотря на строжайшие запреты, в Петербурге, Москве, Киеве и многих других городах состоялись массовые демонстрации, уличные шествия, сходки и митинги, на которых передовые люди России выразили свою скорбь по поводу утраты Толстого и свой протест против смертных казней и различных репрессий, проводившихся царским правительством³⁸.

Одной из ценных архивных находок последнего времени явилась собственноручная копия Толстого, снятая с присланного ему В. В. Стасовым списка с записки Николая I о казни декабристов. О том, какое значение имел этот документ для Толстого, работавшего в ту пору над романом «Декабристы», можно судить по его письму к Стасову: «Не знаю, как благодарить вас, Владимир Васильевич, за сообщенный мне документ. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня» (т. 62, с. 429). Далее Толстой пишет, что, выполняя просьбу Стасова, он никому не показал записку, снял с нее копию, а присланный «документ» разорвал. Исследователи многие годы не могли разыскать толстовскую копию записки Николая I. Только в 1948 г. она была приобретена музеем Л. Н. Толстого у частного лица, а в 1958 г. впервые опубликована³⁹.

Знакомый Толстого князь Д. Д. Оболенский в своих воспоминаниях рассказывает, что писатель прочитал ему записку Николая I. «Там, — пишет Оболенский, — встречается такая фраза: когда их выведут, то барабанам пробить мелкую дробь и т. д. „Это какое-то утонченное убийство“, — возмущался Толстой этой запиской»⁴⁰.

Д. Д. Оболенский процитировал слова из царской записки о казни декабристов очень неточно. В действительности приказ Николая I выглядит гораздо страшнее. Царь повелел барабанам сначала «пробить одно колено похода», затем после прочтения приговора — «второе колено», а когда поведут «присужденных к смерти на вал <...> тогда ударить тот же бой, как для гонения сквозь строй, докуда все не кончится...».

Читая текст записки о казни декабристов, мы особенно ясно видим источники той ненависти и презрения к Николаю I, которые всю жизнь питал Толстой, создавший отталкивающий образ царя-вешателя в повести «Хаджи-Мурат», резко обличавший его в статье «Николай Палкин» и в ряде других произведений.

Эти примеры, а также выход в свет настоящего тома «Литературного наследия», включающего в себя наряду с текстами самого Толстого много впервые публикуемых архивных материалов о Толстом, служат убедительным свидетельством того, что разыскания материалов на тему «Толстой и о Толстом» должны и впредь вестись со всей энергией.

Результаты работы по разысканию и публикации новых материалов о Толстом прямым образом сказываются на успехах изучения его жизни и творчества. В этом можно убедиться, обратившись к новым трудам советских ученых, посвященных биографии писателя.

В 1958—1960 гг. читатели получили два тома второго издания монументальной «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого», составленной Н. Н. Гусевым. Давно ставшее библиографической редкостью первое издание «Летописи», вышедшее в 1936 г., было вдвое меньшим по объему в сравнении с новым изданием. «Летопись» вобрала в себя большое число новых материалов, относящихся ко всем периодам жизни и творчества Толстого. Следует отметить, что включение новых материалов помогло составителю «Летописи» значительно сократить число «белых пятен» в биографии писателя, в особенности в тех ее разделах, которые относятся к ранним годам жизни Толстого. «Летопись» является настольной книгой каждого исследователя жизни и творчества писателя.

«В центре настоящей „Летописи“, — говорит Н. Н. Гусев в предисловии, — Толстой — писатель и общественный деятель. Проследить в главных чертах историю создания всех его как законченных, так и незаконченных произведений: указать даты зарождения замысла, первых набросков, дальнейших стадий работы, окончательных редакций, чтения корректур и, наконец, первых публикаций — вот первая и главная задача, которую ставил себе автор». Шаг за шагом освещая «труды и дни» писателя, составитель «Летописи» заботился о том, чтобы были «указаны все значительные факты личной биографии Толстого»⁴¹.

По авторитетному свидетельству Н. К. Гудзия, в новом издании «Летописи», несмотря на значительное увеличение ее объема, «мы не найдем почти ничего лишнего, чем можно было бы пожертвовать»⁴². Более того, как справедливо замечает Н. К. Гудзий, ряд сведений, сообщаемых в «Летописи», нуждается в дополнительных пояснениях. Например, требуют расшифровки некоторые записи в дневнике Толстого и отдельные высказывания в его письмах.

Многолетняя работа над «Летописью жизни и творчества Л. Н. Толстого» подготовила Н. Н. Гусева к созданию новой биографии писателя. В 1954 г. вышел из печати первый, а в 1957 г. — второй том его фундаментального труда «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии». Их общий объем составляет 108 печатных листов. Обзор жизни и творчества Толстого в этих томах заканчивается 1869 годом, когда писателем была завершена работа над «Войной и миром» и вышла в свет последняя часть романа. Впереди — обзор четырех десятилетий жизни и творчества Толстого — и каких десятилетий!

В 1922—1923 гг. Гослитиздатом была издана четырехтомная «Биография Льва Николаевича Толстого», написанная П. И. Бирюковым. Она привлекла внимание читателей прежде всего тем, что в ней впервые были опубликованы тексты из ряда толстовских произведений, запрещавшихся царской цензурой, а также многочисленные выдержки из дневников и писем Толстого. Ценность этой биографии обуславливалась также тем, что она составлялась не только с ведома писателя, но на первых порах и при его помощи. В 1904 г. Толстой просмотрел рукопись первого тома «Биографии» и сделал на полях много замечаний, а также написал несколько вставок в ее текст. Годом позже Бирюков записал со слов Толстого ряд добавлений к первому тому⁴³. Он имел доступ к архиву Толстого и пользовался материалами из архивов близких писателю лиц.

С выходом Юбилейного собрания сочинений Толстого ценность труда Бирюкова как первого свода биографических материалов о Толстом в значительной степени утрачена. В методологическом отношении этот труд уже давно и безнадежно устарел. Как правоверный толстовец Бирю-

ков всю сложность идейной и творческой эволюции великого писателя сводил к поискам «смысла жизни» в духе его религиозно-нравственного учения.

Духотмная биография Толстого, написанная Н. Н. Гусевым в 1920-х гг., также основана на большом фактическом материале⁴⁴.

И хотя сам автор книги писал о том, что его целью было «дать возможно более правдивую, полную и яркую картину истории жизни и творчества и развития личности Толстого», хотя он стремился использовать все материалы, какими в ту пору располагала наука о Толстом, все же основное его внимание было сосредоточено на том, чтобы показать, как Толстой стал «учителем жизни», как его «искания смысла жизни» закончились «обращением к вере».

Сосредоточившись на «внутреннем развитии сознания» Толстого, биографы не могли раскрыть ни многообразные связи писателя с эпохой, ни противоречивой сложности, с которой «эпоха Толстого» отражалась в его произведениях, ни подлинного содержания эволюции его творчества.

Новый труд Н. Н. Гусева коренным образом отличается от его ранних биографических работ, посвященных Толстому, прежде всего своей методологией. В предисловии к первому тому этого труда — «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии» Н. Н. Гусев пишет: «Биограф Л. Н. Толстого в своем понимании социальной эволюции великого писателя должен исходить из ленинской точки зрения, устанавливающей разрыв Толстого со своим классом и его переход к идеологии трудового патриархального крестьянства. Чрезвычайно важно проследить все фазы этого перехода — от его начальных стадий до окончательного утверждения, со всеми временными колебаниями и отклонениями, ослаблением и усилением»⁴⁵.

При таком подходе эволюция Толстого должна предстать перед нами не как некое саморазвитие его «духа», а как очень сложный путь идейного и творческого развития, органически связанный с той исторической эпохой русской жизни, которую Ленин называл «эпохой Толстого».

Уже в ранние периоды жизни Толстого проявился его интерес к трудовому крестьянскому народу; в дальнейшем этот интерес определил все направление идейного и творческого развития писателя. И правильно поступает биограф, когда останавливает наше внимание на тех материалах, которые помогают увидеть самые ранние проявления не только интереса Толстого к народу, но и все более горячей заинтересованности в его судьбе. Эти материалы как бы «документируют» признание «позднего» Толстого о том, что его «самой юной любовью» был простой русский мужик⁴⁶.

Но, рисуя жизненный и творческий путь великого писателя как путь к народу, не следует сглаживать трудностей этого пути, показывать его «прямее», нежели он был в действительности. Рецензент имел известное основание упрекнуть Н. Н. Гусева в том, что в первом томе новой биографии Толстого он иногда ограничивается изложением воззрений молодого писателя, без анализа их противоречивости, без должной критической оценки их слабых сторон⁴⁷. Так, например, изложены биографом ранние философские опыты Толстого, начатые в 1847 г.

Со времени появления первых произведений Толстого в печати вокруг его имени завязывается идейная борьба. Одна из задач биографа — проследить все перипетии этой борьбы с момента ее зарождения. Между тем, освещая отношение к молодому Толстому со стороны критиков-либералов, Н. Н. Гусев полагает, что А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин, П. В. Анненков были почти «единодушны» с критиками революционно-демократического лагеря в оценке творчества молодого Толстого. Верно, что и те и другие высоко оценили первые произведения Толстого. Но оценили их с разных позиций и, по-разному представляя себе путь дальнейшего развития таланта Тол-

ТОЛСТОЙ ЗА РАБОТОЙ

Рисунок Т. Л. Сухотиной-Толстой, 1 марта 1910 г.
Музей Толстого, Москва

стого, стремились его направить — одни на путь «чистого искусства», а другие — на путь служения народу.

Наши замечания ни в коей мере не снижают высокой оценки труда Н. Н. Гусева, внесшего большой вклад в изучение Толстого. Новая биография писателя, создаваемая Н. Н. Гусевым, отличается не только масштабностью, но и строгой документированностью: в ней каждый факт подвергнут всесторонней научной проверке.

Монументальный труд Н. Н. Гусева при всех его достоинствах, отмеченных в 1958 г. премией Академии наук СССР, однако не может быть адресован широкому читателю и по своему типу и объему: когда он будет завершен (а на это понадобится, конечно, несколько лет), его общий объем, вероятно, достигнет нескольких сотен печатных листов. Совершенно очевидно, что наряду и параллельно с его завершением и изданием необходима подготовка и биографических очерков другого типа. Особенно необходимо создание научно-популярной биографии в нескольких вариантах — для читателя, ориентированного в основных фактах жизни и творчества писателя, для учащихся высшей школы и особенно для широкой массовой аудитории.

Серьезным, во многом удачным опытом столь необходимого широкому читателю краткого очерка жизни и творчества великого писателя явилась работа Н. К. Гудзия «Лев Толстой», впервые выпущенная Издательством Академии наук СССР в 1943 г. При дальнейших переизданиях книжка эта перерабатывалась и дополнялась автором. Постепенно материал биографический отходил в ней на второй план и книжка по своему жанру становилась уже не «критико-биографическим очерком», а «очерком творчества».

Позднее Н. К. Гудзий на основе этой книжки написал расширенный очерк творческого пути Толстого, вышедший в 1952 г. в издании Московского университета, а затем в 1960 г. — в Гослитиздате. При глубокой и содержательной характеристике произведений писателя, которая дана в этом очерке, при многих тонких наблюдениях и характеристиках, здесь, к сожалению, мало говорится о жизни Толстого, о его общественной деятельности, о связях с современниками. Все это, будучи введенным в новое издание очерка (которое, безусловно, потребуется, так как нужда в нем очень велика), несомненно, обогатит его.

Может показаться, что при наличии всего богатства материалов о Толстом создание научно-популярной биографии писателя — дело не такое уж сложное. Но это не так! Предстоит и при выполнении этой задачи «поднять» и изучить громадные по объему фонды самых разнообразных материалов и отобрать наиболее существенное и важное. Но этим трудности не исчерпываются. Здесь как нельзя более необходима та, говоря словами Белинского, творческая концепция, которая даст возможность увидеть «всего» Толстого, весь его путь — человека и художника, прослеженный во всей полноте его живых связей со своим временем, во всех формах его участия в «делах века».

Разумеется, должно быть продолжено и всестороннее изучение каждого из отдельных периодов биографии Толстого, отдельных этапов его идейно-творческой эволюции. В этом плане сделано уже немало. Необходимо, однако, отметить, что преимущественное внимание до сих пор уделялось исследователями «молодому Толстому», а также его взглядам и деятельности перед «переломом». Сам «перелом» и деятельность Толстого в последние десятилетия XIX в. изучались сравнительно мало. И только еще начато исследование «позднего Толстого», таких важнейших проблем как «Толстой и революция 1905—1907 гг.», «Толстой в годы реакции (1908—1910)»⁴⁸. Эти проблемы имеют огромное значение не только для изучения Толстого, но и для понимания всего историко-литературного процесса развития дооктябрьской литературы и литературного движения 1900-х годов. Ведь Толстой до сих пор настолько «прикреплен» исследователями лишь к XIX веку, что в вузовских программах литературы XX в. он даже не упоминается! А между тем, последнее десятилетие жизни Толстого — время зенита его мировой славы и активного его участия в общественно-литературном движении, время новых замыслов и новых исканий. Только невниманием к этому периоду его жизни можно объяснить, что в общих биографических очерках ему уделяется всего лишь несколько страниц.

4

Столь же важной задачей, как и разработка научной биографии Толстого, является создание монографических очерков о его творчестве, создание трудов, дающих целостное представление об идейном и художественном развитии писателя.

Изучение проблем творчества Толстого всегда сопровождалось острой идейной борьбой. Именно здесь с особенной силой сталкивались различные взгляды, особенно отчетливо обнаруживались различные точки зрения, шла и идет страстная борьба мнений.

Верное направление исследования творчества Толстого в советском литературоведении определилось не сразу.

В первые годы после Октября пользовались известностью исследования и статьи, написанные Д. Н. Овсянко-Куликовским, Н. А. Котляревским, В. В. Сиповским и другими представителями культурно-исторической школы. В те же годы у нас еще издавались книги о Толстом, принадлежавшие таким авторам, как критик-импрессионист Ю. И. Айхенвальд. Активно выступали тогда с пропагандой своих взглядов толстовцы, считавшие себя единственными «идейными наследниками» писателя. В науке о литературе в первые послеоктябрьские десятилетия сказывалось

сильное влияние зарубежного буржуазного литературоведения и в особенности таких его течений, как формализм и компаративизм.

Из критиков-марксистов о Толстом в те годы писали В. М. Фриче, М. С. Ольминский, но в их работах о Толстом утверждалась плехановская, а не ленинская оценка писателя. Для них Толстой был, прежде всего, графом, помещиком, «кающимся дворянином», и все их усилия были направлены на то, чтобы, по выражению Фриче, определить в этом плане «классовое лицо яснополянского мыслителя»⁴⁹. С вульгарно-социологических позиций написаны были книги И. Н. Кубикова «Лев Толстой» и В. Л. Львова-Рогачевского «От усадьбы к избе. Лев Толстой. 1828—1928», вышедшие к 100-летию со дня рождения писателя.

В 30-х годах советская печать подвергла резкой критике формализм и вульгарный социологизм в литературоведении и искусствоведении. В острых идейных боях была вскрыта порочность лозунга «за плехановскую ортодоксию», которым прикрывался меньшевистствующий идеализм. Как показывает история дальнейшей идейной борьбы против вульгаризаторов марксизма-ленинизма в литературоведении, философии, искусствознании, одним из плацдармов этой борьбы неминуемо является наследие Толстого.

Еще в самом начале 40-х годов в советской печати были осуждены ревизионистские взгляды Георга Лукача, отчетливо выразившиеся в его работе «Толстой и развитие реализма», вошедшей в книгу «К истории реализма»⁵⁰. Доходя до прямого искажения ленинской концепции творчества Толстого, Лукач выступил с утверждением, что великие художественные творения писателя имеют своим источником реакционные стороны его мировоззрения. Это глубоко ошибочное утверждение Лукач попытался возвести в общий «закон» искусства. «Толстой, — писал Лукач, — не единственный пример в мировой литературе, когда художник, исходя из неверного мировоззрения, все же создает непреходящие художественные ценности»⁵¹.

Свой анализ творчества Толстого Лукач подчинил этой антинаучной порочной идее. В недавние годы эта идея была подхвачена югославскими ревизионистами, например, И. Видмаром, о попытке которого извратить ленинские статьи о Толстом уже говорилось выше. Новые книги и статьи Лукача свидетельствуют о том, что он не только не отказался от своих прежних взглядов, но продолжает их отстаивать, сближаясь, таким образом, с прямыми противниками марксизма.

Принципиальная партийная критика формалистических, вульгарно-социологических, ревизионистских и иных ошибочных «теорий» и «течений» способствовала идейному и научному росту нашего литературоведения. Уже с начала 30-х годов наблюдается определенный поворот в среде советских литературоведов к углубленному изучению трудов основоположников марксизма-ленинизма.

В 1932 г. вышла в свет работа А. В. Луначарского «Ленин и литературоведение»⁵², в которой была сделана серьезная попытка систематического изложения основных принципов советской науки о литературе в свете ленинской теории отражения. Одной из лучших частей этого труда явилась характеристика статей Ленина о Толстом. В 30-е годы со статьями «Ленин о литературе» выступают М. К. Добрынин, П. Ф. Юдин, А. М. Еголин, В. Я. Кирпотин и другие авторы. В дальнейшем эта тема привлекает все большее и большее внимание советских литературоведов и критиков. При этом пристально изучались статьи Ленина о Толстом, их общетеоретическое, методологическое значение для науки о литературе, для изучения наследия Толстого.

Тогда же появились статьи, в которых обстоятельно разъяснялась принципиальная разница между плехановской и ленинской оценками наследия Толстого⁵³.

Так постепенно, но последовательно расчищалась почва для того, чтобы поднять уровень нашего толстоведения, освободить его от влияния ошибочных теорий и «направлений». Однако это влияние еще долго давало о себе знать, и наша печать не раз выступала с критикой ошибок, допущенных исследователями творчества Толстого.

Одной из таких весьма серьезных ошибок, и поныне еще не до конца преодоленных, явилось признание «раздельного» существования Толстого-художника и Толстого-мыслителя. В своей книге «Л. Н. Толстой», изданной в 1943 году (Л., Госполитиздат), В. С. Спиридонов утверждал, что Ленин, а вслед за ним Горький ценили Толстого «только как художника» и критиковали его лишь как философа-моралиста. Исходя из этого сугубо ошибочного представления об оценке Лениным наследия писателя, исследователь не увидел в художественных произведениях Толстого никаких противоречий и не смог поэтому дать верной картины его идейного и художественного развития.

Игнорируя «кричащие противоречия» мировоззрения и творчества Толстого, В. С. Спиридонов и некоторые другие исследователи пытались по-своему «улучшить» историю. А на деле получалось, что они «смягчали» ленинскую критику слабых, ошибочных сторон мировоззрения и творчества писателя, допускали прямое искажение высказываний Ленина о Толстом. Антинаучность такого подхода к оценке наследия великого писателя была убедительно вскрыта нашей печатью. Тогда же подверглась справедливой критике отчетливо проявившаяся в изучении Толстого тенденция к академическому «объективизму», стремление говорить в «нейтральных» тонах о таких явлениях, которые требуют ясной и четкой идейной оценки⁵⁴.

Критикуя ложный объективизм, проникший в работы советских исследователей о Толстом, наша печать справедливо напоминала о том, что ленинские статьи и высказывания, посвященные Толстому, проникнуты духом непримиримости ко всем тем сторонам наследия писателя, в которых выразился его предрассудок, а не разум.

В 50-е годы делаются попытки создания новых монографических исследований о творческом пути писателя, выпускаются монографии о крупнейших его произведениях, издаются многочисленные сборники статей и материалов о Толстом.

В пределах этой статьи невозможен даже самый беглый обзор хотя бы наиболее заметных работ о Толстом, появившихся у нас за последнее время (в «Библиографии литературы о Л. Н. Толстом. 1917—1958» учтено более двух тысяч книг и статей, целиком или частично посвященных творчеству писателя, опубликованных за 1950—1958 гг.). Да это и не входит в нашу задачу. Ограничимся указанием на некоторые характерные тенденции, которые проявились в изучении творчества Толстого в последнее время.

В 1954 г. вышла в свет книга С. П. Бычкова «Л. Н. Толстой. Очерк творчества». Ее появлению предшествовали статьи Бычкова о творчестве писателя, опубликованные в научных сборниках, журналах, а также в виде предисловий и послесловий к различным изданиям произведений Толстого.

Последние главы очерка написаны до крайности бегло и схематично. Не все в нем достаточно продумано. Ряд серьезных проблем толстовского творчества затронут поверхностно.

В очерке С. П. Бычкова заметно выделяются страницы, написанные в результате самостоятельных разысканий исследователя. Такие страницы напоминают о том, что автор книги в свое время много занимался проблемой народа в раннем творчестве Толстого, формированием эстетических взглядов писателя. Бычков признает, что в основе исканий Толстого были поиски путей к народу, начавшиеся задолго до того, как писатель порвал

С дворянским классом и стал идеологом патриархального крестьянства.

Казалось бы, что, верно определив направление исследования, автор сможет дать достоверную и отчетливую картину идейных и творческих

«В ПОГОНЕ ЗА МИЛЛИОНАМИ»

Рисунок неизвестного художника

Иллюстрирование в журнале «Искра», 1901, № 8

Темой карикатуры служит намечавшаяся поездка царя в Париж за займом. На рисунке: русские и французские министры влечут козловнику Николая II по трудам убитых рабочих и студентов. Казаки разгоняют нагайками манифестацию. На заднем плане — голодающая деревня. Обер-прокурор Синода Победоносцев и митрополит Антоний распинают Толстого

исканий Толстого. Однако нарисованная им картина оказалась настолько неясной, что вызвала самые противоположные суждения в критике. Одни из критиков сделали вывод, что, по мнению автора, Толстой до идейного перелома стоял на дворянских сословно-аристократических позициях и что этими позициями определялся идейный замысел и «Войны и мира» и «Анны Карениной»⁵⁵. Другие же критики поняли Бычкова иначе: задолго до перелома Толстой, преодолев свои сословно-дворянские предрассудки, уже стоял на демократических позициях. И более того, что

идейные противоречия в «Войне и мире» Бычков «рассматривает как отражение противоречий в идеологии патриархального крестьянства»⁵⁶.

В возникновении всей этой путаницы в значительной мере повинен сам Бычков, выдвинувший концепцию борьбы двух «начал» в мировоззрении Толстого: дворянского и крестьянского. В самом ходе исследования Бычков делит жизненный и творческий путь писателя на два резко противостоящих один другому периода: до идейного перелома и после него. По мысли автора, в первый период Толстой находится на позициях дворянских, во второй — крестьянских. Как заметила Е. Н. Купреянова, в книге Быčkova «первая половина творческой деятельности Толстого объясняется по Плеханову, а вторая по Ленину».

И действительно, о противоречиях Толстого первого периода автор книги говорит, как о противоречиях мысли писателя, о борьбе двух «начал» в его мировоззрении: аристократически-сословного и крестьянски-патриархального (напомним, что Плеханов писал о борьбе в сознании Толстого «начал» барина и художника, христианина и язычника). Во второй период крестьянское «начало» одержало победу над дворянским, и Толстой стал отражать «противоречия, свойственные самому патриархальному крестьянству».

Исходя из признания двух «начал» в мировоззрении Толстого — дворянского и крестьянского, — Бычков автоматически «прикрепляет» к ним сильные и слабые стороны взглядов писателя. Что из этого получается, — можно судить по тем характеристикам и оценкам, которые получили в книге крупнейшие толстовские произведения. Вот, например, что говорит исследователь о замысле «Войны и мира»: «Роман представлялся Толстому как хроника дворянской жизни начала века, типически воплощенная в истории ряда дворянских семейств, представители которых нигде не служили и не были связаны ни с армией, ни с какими-либо департаментами. По этому замыслу в романе отсутствовали широкие исторические картины и историко-философские обобщения». Далее Бычков говорит об откровенно «дворянском» характере первоначального замысла романа, видит в нем «вершину сословных интересов писателя». Исследователь прибег к традиционной оценке произведения Толстого как «дворянской хроники» для того, чтобы подкрепить свою теорию о преобладании в Толстом периода «Войны и мира» дворянского «начала»⁵⁷.

Изучение рукописей и корректур «Войны и мира», проведенное исследователями в последние годы, показало, что уже на самых ранних этапах работы произведение Толстого ничего общего не имело с жанром «дворянской хроники», что уже тогда в нем присутствовали и большой исторический замысел и философские обобщения. Это доказано с полной убедительностью в исследовании Э. Е. Зайденшпур «Творческая история романа „Война и мир“», подготовленном к печати⁵⁸. История создания романа опровергает легенду о дворянском «начале» как идейном источнике «Войны и мира», о «дворянской хронике» как авторском замысле этого произведения в его ранних редакциях.

Ошибся С. П. Бычков и в определении идейных истоков романа «Анна Каренина». По его мнению, Толстой выступал в этом произведении «в защиту родовитого дворянства при полном сохранении традиций». «В эпоху стремительного развития капитализма в стране, — говорит Бычков, — писатель, охваченный мучительным раздумьем, утверждал в сущности идеалы старой аристократии, которые и противопоставлял идеалам ненавистного ему буржуазного строя»⁵⁹.

По схеме, выдвинутой Бычковым, Толстой периода «Войны и мира» стоял на дворянско-либеральных позициях. По той же схеме выходит, что в пору создания «Анны Карениной» писатель сильно «поправел» и скатился на консервативные позиции «старой аристократии». И это сказано о Тол-

стом, находившемся в преддверии идейного перелома, за которым последовал полный разрыв писателя со всеми взглядами и традициями дворянского класса! Таким образом, исследователь, активно выступавший против вульгарной социологии, сам оказался у нее в плену, не умея объединить идейный и эстетический анализ художественных произведений, рассматривая эволюцию взглядов Толстого вне анализа его художественного метода⁶⁰. Отдельные интересные наблюдения о структуре романа Толстого остались не подчиненными единой исследовательской цели.

В очерках творчества Толстого, появившихся после книги Бычкова, заметно плодотворное стремление исследователей избежать социологического схематизма. Однако это не значит, что допустим в какой бы то ни было степени отказ от необходимости четких общественно-политических характеристик и оценок идейных позиций писателя, что можно мириться с заменой конкретного анализа идейной направленности и художественного своеобразия произведений общими рассуждениями о «глубине» и «широте» отражения писателем исторической действительности. Такго рода тенденции встречаются в ряде работ о Толстом, появившихся за последние годы.

Положительно был встречен читателями обстоятельный очерк творчества Толстого, представляющий собой одну из лучших глав в т. IX «Истории русской литературы» (Изд-во АН СССР, 1956). В этом очерке разделы, характеризующие творческий путь Толстого до «перелома» (§§ 1—13, 18 и заключение), написаны Б. И. Бурсовым, от «перелома» и до конца, за исключением раздела о «Воскресении» (§§ 14—17, 19—22) — Л. Д. Опульской. Авторы писали очерк, опираясь на свои собственные исследования различных проблем, связанных с изучением наследия Толстого, и на работы других литературоведов.

Очерк этот интересен и как попытка проследить весь творческий путь писателя и многими ценными наблюдениями более частного порядка. Свежо, хотя по необходимости сжато, охарактеризован «поздний Толстой»: это следует особо отметить, так как в общих очерках последнему десятилетию деятельности писателя обычно почти не уделялось внимания. Авторы дают ряд удачных общих характеристик отдельных этапов идейно-творческого пути Толстого, сообщают сведения, необходимые в очерке, предназначенном для «Истории литературы», изображают в свете ленинской оценки писателя эпоху, породившую его силу и слабость. В главах, посвященных собственно творчеству писателя и отдельным крупнейшим его произведениям, выдержан преимущественно один определенный аспект: речь идет в первую очередь о внутренних психологических и моральных мотивах, руководивших Толстым при создании того или иного произведения, а затем уже об отражении в нем реальной действительности.

Так, при анализе трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность» пристально прослеживаются все этапы духовных исканий главного героя Николеньки Иртеньева, при этом подчеркивается, что «основой для образа Николеньки Иртеньева Толстому послужил опыт собственных духовных исканий, собственной духовной биографии»⁶¹. Из этого — самого по себе верного — наблюдения делается вывод, что центральной фигурой не только трилогии, но и всего творчества Толстого является идейно близкий писателю герой, наделенный многими автобиографическими чертами. В соответствии с этой мыслью главным предметом изучения становится «духовная биография» писателя.

Далее, при рассмотрении перехода от трилогии к военным рассказам, написанным молодым Толстым на Кавказе, устанавливается внутреннее единство между этими произведениями. В чем же оно заключается? Главная проблема автобиографических повестей, — читаем мы в очерке, —

проблема высокого назначения человека, которое он может оправдать, лишь обладая твердой волей и непреклонным характером. Эта же проблема, конечно, в другом виде, присутствует и в кавказских рассказах».

Здесь к «материалу самонаблюдения», преобладавшему в трилогии, прибавился материал наблюдений над другими людьми. Главное же и в кавказских рассказах — не жизнь этих «других людей», а опять-таки «искания» самого писателя. «Главная тема кавказских рассказов, — говорится в очерке, — тема храбрости. Она рождается всем ходом идейно-нравственных исканий Толстого»⁶². При этом отмечается, что «в скрытом виде» проблема храбрости присутствует уже в автобиографической трилогии, но там она дана «как производная от главной проблемы — проблемы высокого назначения и высоких устремлений человека». Далее подвергаются обсуждению «два вида храбрости»: моральная и физическая и два аспекта рассмотрения Толстым храбрости.

Увлечение анализом хода «идейно-нравственных исканий» Толстого приводит к некоторому ослаблению внимания к проблемам отражения действительности в художественном творчестве в широком плане и влияния на него процессов жизни эпохи. При всем огромном значении «идейно-нравственных исканий» все же нельзя отводить им преобладающего места в исследовании, задача которого — освещение всего творчества писателя в связи с его идейной эволюцией, а не анализ преимущественно его духовной биографии.

Вследствие сосредоточения в этом очерке внимания на анализе исканий писателя значение художественных картин и образов, созданных Толстым, рассматривается иногда как иллюстрация тех или иных его мыслей. Так, знаменитая картина Шенграбенского сражения из «Войны и мира» оказывается «как бы иллюстрацией к мысли Толстого, что сущность национального характера с особой силой раскрывается в трудных обстоятельствах». А «новая ступень реализма», достигнутая Толстым в романе «Анна Каренина», усматривается в оригинальном решении образа Левина: «Построение образа одного из главных героев романа, Константин Левина, — читаем в очерке, — определяется тем, что вся его духовная биография связана с непрерывными усилиями понять экономическую структуру общества, выяснить, в чем причина ее непригодности»⁶³. Но ведь создавая образ Константина Левина, Толстой, конечно же, не ставил перед собой такой утилитарной задачи. Как известно, кроме хозяйства, у Левина было много и других интересов. Круг его увлечений и забот весьма широк и разнообразен: ведь, разумеется, Левин — не «заданный» персонаж, для которого уготована роль «рупора идей» автора романа, а сложный и живой образ, в котором воплощены многообразные отклики жизни (что подтверждается далее в том же очерке рядом наблюдений).

В этом очерке значительное место уделено анализу художественного своеобразия произведений Толстого (хотя сделано это «неравномерно». Так, сюжету и композиции «Анны Карениной» посвящена большая глава, а сюжету и композиции «Воскресения» — один абзац)⁶⁴.

Достоинства этого очерка, как мы уже отмечали, неоспоримы. Но если рассматривать его в перспективе дальнейшего изучения Толстого, то нельзя не заметить, что наряду с анализом внутренних процессов жизни писателя, его «духовной биографии» необходим более широкий и развернутый анализ идейной и эстетической сторон творчества Толстого, в их нерасторжимом единстве и в постоянных связях с исторической действительностью.

Задача эта весьма трудная, литературоведение только подходит к ее решению, но тем не менее именно на этом пути возможно дальнейшее развитие нашей науки. Работы, выдвигающие такую постановку вопроса,

То же и въ картинѣ тѣлеснаго наказанія. Всѣ лица, кромѣ молящагося за грѣхи людей старика и недоумѣвающаго передъ жестокостью людей мальчика, уже доведены до того, что дѣлають свое постыдное дѣло, какъ что-то нужное и должное.

Послѣдняя же картина, въ себѣ одной выражающая все то, что сказано въ этихъ шести, особенно и сильна и страшна тѣмъ, что самымъ простымъ и понятнымъ способомъ изображаетъ то, что лежитъ въ основѣ того развращенія, которому подвергается народъ, и ту главную опасность, которая предстоить ему. „Ступай, ступай, Богъ подастъ и говоритъ колѣнѣка, ожидающая нищету, и видишь батюшка тутъ и да, это чудная картина. Сила народа въ истинности и истинности его религиознаго, рукою пишущаго его истинными, истинными законами жизни. И говорю, да. Все это изображено въ картинахъ Орлова. И потому мнѣ кажется, что я не напрасно люблю ихъ.

Картины эти указываютъ намъ на ту опасность, въ которой находится теперь духовная жизнь русскаго народа. А понять опасность тамъ, гдѣ не видалъ ее, уже шагъ къ избавленію отъ нея.

и больше истинности, потому что вполнѣ истиннаго религиознаго пониманія законовъ жизни, какъ и вполнѣ истиннаго пониманія Бога, никогда неможеть быть у сего вѣка. Условнае только все больше и больше приближается. 26-го Іюня 1908 года. къ тому и другому. И такъ наиболѣе по на Ясная Поляна. Истину времени истинно религиознаго пониманія жизни было и есть у русскаго безграмотнаго, мудраго и свѣтлаго мужику: каго народа. И вотъ съ разныхъ сторонъ, со стороны суда, по дамамъ, совѣщанства, вѣнкой отравки для государственныхо дохода, его окружаютъ украинскими соблазнами, и сатиры, сатирыми и др. жизнь: религиозными соблазнами, вѣнкой отравки, котораго церковь и ея служители вѣнкой отравки, вѣнкой отравки, вѣнкой отравки.

появляются в последние годы все чаще. К ним относится и опубликованная в 1954 г. работа М. Б. Храпченко «Реалистическое искусство Толстого»⁶⁵.

Статья М. Б. Храпченко основана на цельном представлении об идейном и художественном развитии писателя. Достигается это прежде всего тем, что исследователь устанавливает органическую связь между всеми периодами творчества Толстого. Надежная основа указанной связи — развитие народности творчества великого писателя.

«Между „Севастопольскими рассказами“, „Войной и миром“, „Анной Карениной“ и произведениями последних десятилетий жизни Толстого, — пишет М. Б. Храпченко, — существует внутренняя органическая связь, которая определяется тем, что в творчестве писателя на разных этапах, хотя и в разной степени, отразился народный взгляд, народная точка зрения на явления общественной жизни». Исходя из этой основополагающей мысли, исследователь рассматривает весь творческий путь Толстого как единый, развивающийся динамический процесс. Не преуменьшая сложности идейно-творческой эволюции великого писателя, М. Б. Храпченко стремится выделить в ней самое существенное и значительное. С его точки зрения, оно «заключается в том, что уже в произведениях начального этапа творчества Толстого в качестве решающей социальной проблемы возникает проблема народа, его бедственного существования. Уже в ранних художественных созданиях писателя известное отражение получают настроения патриархального крестьянства»⁶⁶.

Однако из сказанного вовсе не следует, что правы те исследователи, которые склонны считать, что никакого перелома в мировоззрении Толстого не было, что чуть ли не с первых шагов в литературе он явился идеологом патриархального крестьянства.

М. Б. Храпченко отчетливо говорит о переломе во взглядах писателя, о его полном и окончательном идейном разрыве с дворянским классом. В то же время исследователь подчеркивает, что разрыв Толстого с дворянством «был подготовлен всей предшествующей эволюцией писателя, в процессе которой формировались новые идеи и воззрения, имевшие своими истоками условия жизни многомиллионного крестьянства»⁶⁷. Основой идейной и творческой эволюции писателя служит, таким образом, реальная историческая действительность, находившая многостороннее изображение в произведениях Толстого. Как немногие даже из числа великих художников, Толстой умел находить художественное решение больших социальных тем, ставя при этом коренные вопросы общественной жизни. Он умел передать течение, развитие громадных жизненных процессов, запечатлеть их бесчисленные взаимосвязи, взаимопереходы, антагонизмы и столкновения.

Разумеется, в сравнительно небольшой по объему статье М. Б. Храпченко не смог с достаточной полнотой использовать все возможности, которые открывает широкий подход к наследию Толстого, соединяющий в себе идейный и эстетический критерии оценки. В частности, в его работе, как и в очерках творчества Толстого, написанных другими советскими литературоведами, сравнительно мало внимания уделено публицистике писателя. Между тем, в трактатах Толстого «Так что же нам делать?», «Рабство нашего времени», статьях «Великий грех», «Не могу молчать» и других его публицистических произведениях звучит рядом с рассуждениями религиозно-нравственного характера могучий голос обличителя, протестанта и критика. Когда мы говорим о Толстом как о «зеркале русской революции», нельзя забывать о его статьях и трактатах, являвшихся прямыми откликами писателя на события эпохи.

В очерке творчества Толстого анализ и оценка его важнейших теоретических произведений непременно должны присутствовать.

* * *

За последние годы в исследованиях о творчестве Толстого все настойчивее выдвигается на первый план проблема его художественного новаторства. Она, действительно, является одной из самых важных среди большого числа других проблем, изучаемых толстоведами. Идет ли речь о художественном методе Толстого, или о своеобразии его реализма, или об особенностях его крупнейших произведений — неизменно возникает вопрос о новаторстве писателя, о его художественных открытиях, обогативших русскую и мировую литературу.

Не выяснив природы художественного новаторства Толстого, нельзя также дать верного решения вопроса о значении толстовских традиций для литературы социалистического реализма.

Разными путями подходят исследователи к изучению названной проблемы. Один из путей — характеристика творчества Толстого на фоне русской и западноевропейской литературы, сопоставление творческого метода Толстого с художественным методом крупнейших русских и зарубежных писателей.

Плодотворными могут быть сопоставления различных способов типизации при оценке изображения писателями одного и того же явления или даже одного и того же исторического лица. Например, чтобы показать новизну и смелость трактовки образа Наполеона в «Войне и мире», Т. Л. Мотылева дает анализ разработки наполеоновской темы в западноевропейской литературе XIX в. «В десятилетия, предшествующие появлению „Войны и мира“, — говорит она, — в странах Западной Европы не было почти ни одного крупного писателя, который не выразил бы так или иначе своего отношения к наполеоновской эпохе»⁶⁸. Исследователь называет причины, делавшие оценку деятельности Наполеона для многих западных писателей делом весьма сложным. Толстой посмотрел на него глазами простых русских людей, отстаивавших свою родину от иноземного порабощения. «Потому и оказался он в состоянии — впервые в истории мировой литературы! — показать Наполеона без фальшивого ореола величия», — пишет Т. Л. Мотылева. Народная точка зрения на миссию Наполеона помогла Толстому создать образ огромной обличительной силы.

Новаторские приемы «снятия ореола», найденные Толстым при создании образа Наполеона, получили дальнейшее развитие в работе писателя над образом Николая I в повести «Хаджи-Мурат». Т. Л. Мотылева находит и черты сходства в изображении этих «коронованных тиранов» (здесь тонко подмечена ею характерная деталь: Николай I считает свой походный плащ «столь же знаменитым, как шляпа Наполеона») и черты различия. В отличие от образа Наполеона образ Николая I лишен элементов юмора. Сатирическое заострение его образа шло путем отбора не смешных, а «низменно-безобразных» черт.

Как свидетельствует экскурс о «наполеоновской теме» у Толстого и его предшественников, автор книги «О мировом значении Л. Н. Толстого», выдвигая те или иные литературоведческие проблемы, умеет соединить широкую историческую перспективу с конкретностью анализа. И там, где такое соединение налицо, — выводы, сделанные автором, наиболее убедительны. В тех случаях, когда оно отсутствует или выражено недостаточно отчетливо, утверждения автора приобретают декларативный характер. К сожалению, Т. Л. Мотылева иногда ограничивается лишь «заявками» на большие темы, обозначая их в самом общем виде. Она, например, пишет: «Толстой по-новому осветил психологию любви, психологию труда, психологию творчества, психологию войны, психологию детства и материнства, психологию болезни, старости умирания — и тем самым

помог своим читателям яснее, вернее увидеть многие важные стороны повседневного существования людей»⁶⁹. Анализ того нового, что внес Толстой в разработку этих «вечных тем», является одною из важных задач нашего литературоведения.

Мы далеки от намерений требовать от автора всестороннего освещения проблемы новаторства Толстого, рассматриваемой в книге Т. Л. Мотылевой как часть проблемы мирового значения писателя. Но, как верно говорит она в предисловии к книге, «особенно важно для понимания его всемирного значения — новаторство в изображении человека и в изображении народа». В книге Т. Л. Мотылевой этой цели служат главы «Диалектика души» и «Великое народное море». Говоря о том, как рисует Толстой крестьянские образы, Т. Л. Мотылева делает упор, однако, не на новаторство писателя, а на продолжение им традиций Гоголя, Тургенева и Григоровича.

Не менее широко, нежели в книге Т. Л. Мотылевой, вопрос о новаторстве Толстого ставится в монографии А. В. Чичерина «Возникновение романа-эпопеи», о которой уже говорилось выше. Одна из ее глав посвящена теме «Новаторство Льва Толстого в романе-эпопее „Война и мир“».

А. В. Чичерин обобщил и, в известном смысле, подытожил работу многих советских литературоведов по изучению жанра «Войны и мира»⁷⁰ и вместе с тем выдвинул новые соображения.

В этой монографии горячо отстаивается мысль о том, что жанр романа-эпопеи, возникший в минувшем веке, — новое эстетическое явление, уже утвердившее себя в литературе и имеющее большую будущность. А. В. Чичерин полемизирует с исследователями, стремящимися разделить в жанровом отношении роман и эпопею. Он видит в эпопее высшее развитие романического жанра, связанное с задачей изображения народных масс, вызванных историей к самостоятельным действиям огромного значения.

Говоря о «Войне и мире», исследователь указывает, что в произведении Толстого «описание жизни и движения народных масс — это не фон, а самое существо дела (...) это основа внутренней связи романа-эпопеи»⁷¹. Исходя из этой мысли, А. В. Чичерин анализирует «Войну и мир», видя в ней классический образец нового жанра романа-эпопеи.

Исследователь подвергает критике бытующее в литературоведении и проникшее в школьные программы и учебники представление о «раздельном» существовании в «Войне и мире» эпопейного начала и традиционной романической формы. Он утверждает, что Толстой «создал роман, который вышел из рамок романа», создал произведение, в котором «народ в целом, в его многообразии и в его единстве, впервые нашел реалистическое и гениальное воплощение»⁷².

В работе Чичерина есть свои недостатки, на которые справедливо указала критика. Увлечшись «утверждением в правах» жанра романа-эпопеи, исследователь видит в нем «завершение эпической прозы», «высшее выражение реализма в литературе нашего времени» и т. д. Критики заметили, что «за честь других жанров вступилась сама литература», и напомнили А. В. Чичерину, что после «Войны и мира» Толстой написал «Анну Каренину», что многие из созданных им гениальных образов живут не только в романе-эпопее, но и в «обычном» романе, и в повестях и рассказах⁷³.

Отстаивая мысль о величайшем новаторском значении «Войны и мира», исследователь совершенно напрасно ставит роман-эпопею над всеми другими жанрами художественной прозы, развитие которых не прекратилось с возникновением нового жанра.

В исследовании А. В. Чичерина читатель не найдет ответа на вопрос о том, как русская литература подготовила появление «Войны и мира».

В качестве ее единственных предшественников Чичериным рассматриваются черновые редакции незавершенных исторических романов Пушкина. Тема истоков «Войны и мира» в русской литературе еще ждет своего исследователя.

Монография А. А. Сабурова «„Война и мир“ Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика», изданная в 1959 г., явилась завершением многих лет упорного и сосредоточенного труда покойного исследователя. Она отличается масштабностью замысла и его осуществления⁷⁴.

Предметом изучения А. А. Сабурова является тематика «Войны и мира», идейное содержание произведения, отражение в нем исторической эпохи, образы героев, вопросы художественного метода, композиции, жанра, языка и стиля. Обосновывая мотивы, которыми он руководствуется, производя раздельное рассмотрение проблематики и поэтики романа, А. А. Сабуров пишет: «Взаимопроникновение проблематики и поэтики всякого художественного произведения не только не исключает, но делает особенно необходимым их аналитическое рассмотрение. В ходе исследования мы ставили своей задачей находить проблематику в особенностях образной системы произведения и показывать каждую деталь художественной формы как функцию его внутреннего замысла».

Исследователь находит, что проблематика и поэтика особенно сближаются между собой при решении вопроса о жанре произведения. И, действительно, анализируя проблематику «Войны и мира», он, в то же время, проводит анализ «тематической основы жанра». А изучение жанра, по выражению А. А. Сабурова, «открывает нам оборотную сторону той же художественной ткани». Жанр произведения трактуется исследователем как «живая художественная структура», на формирование которой влияют и сюжет, и композиция, и другие элементы художественности.

А. А. Сабуров, разумеется, не мог обойти молчанием тех споров вокруг определения особенностей эпопейного жанра, которые в течение ряда лет не утихают в литературоведении и критике и самым прямым образом касаются вопроса о жанре «Войны и мира». Позиция, которую он занял в этом споре, в полемически заостренной форме выражена исследователем в конце его книги. «Заканчивая свою монографию, — пишет А. А. Сабуров, — автор хотел бы подчеркнуть, что он рассматривает „Войну и мир“ не как этап в „возникновении“ нового жанра романа-эпопеи, а как новую, уникальную разновидность романа, которая хотя и вобрала в себя существенные черты эпического жанра, но положила основу — и в творчестве самого Толстого и в мировой литературе — для развития романа нового типа, а не для компромиссного эклектического жанра, слитого из разнородных традиций. Этот новый жанр требует для своего определения таких литературоведческих категорий, которые не нарушали бы принципов историзма, лежащих в основе существующей жанровой системы»⁷⁵.

Не подлежит сомнению, что это полемическое утверждение направлено прежде всего в адрес А. В. Чичерина — автора книги «Возникновение романа-эпопеи», вышедшей в свет за полгода до появления монографии А. А. Сабурова. В критических отзывах об этой книге встречались утверждения, что «о терминах спорить не стоит».

Конечно, можно было бы и «не вмешиваться» в этот спор двух литературоведов, если бы они действительно спорили только о терминах. Для каждого из них вопрос о жанре «Войны и мира» — один из важнейших. А. А. Сабуров, отвергая термин «роман-эпопея», посвящает в своей книге особые главы темам «Эпическая основа „Войны и мира“» и «„Война и мир“ как роман».

Совершенно очевидно, что за различными терминами, которыми исследователи стараются определить жанровое своеобразие «Войны и мира»,

«СТРАШНЫЙ СУД»

Рисунок неизвестного художника
1901 г.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Сатирический отклик на отлучение Толстого от церкви и преследования его церковниками. В центре на троне обер-прокурор Синода Победоносцев. Слева (против Толстого) — митрополит Антоний

скрывается различное понимание природы новаторства Толстого. А с этим, как мы уже говорили выше, связан целый комплекс других серьезных вопросов.

Первым критиком, остро поставившим вопрос о жанровом своеобразии «Войны и мира», был сам Толстой. В статье «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“» Толстой писал:

«Что такое „Война и мир“? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. „Война и мир“ есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от „Мертвых душ“ Гоголя и до „Мертвого дома“ Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» (т. 16, с. 7).

Здесь ясно выражена не раз высказывавшаяся Толстым мысль о том, что «Война и мир» «не укладывается» в традиционные формы западноевропейского романа и что таковы все выдающиеся произведения русской литературы. Но, заявив о новаторском характере «Войны и мира», Толстой, однако, не дал определения жанра своего произведения, многозначительно назвав его «книгой».

Нельзя также не заметить, что Толстой начинает ответ на поставленный им вопрос о жанре «Войны и мира» словами: «Это не роман».

А. А. Сабуров видит в этих словах выражение протеста против шаблона романа, получившего наиболее широкое распространение в западноевропейской литературе, но отнюдь не стремление отмежеваться от русской литературной традиции, от монументальных созданий русской классики XIX в. в области романа.

Нельзя не прислушаться к тому, что говорит А. А. Сабуров о связях Толстого с традициями русской классической литературы, в которой роман стал действительно ведущим жанром. Интересные соображения высказывает он по поводу известного «непостоянства» структуры романа. «Сервантес, Лесаж, Гёте, Гюго, Диккенс создавали своими произведениями каждый раз новую структуру романа, — пишет А. А. Сабуров, — сказывавшуюся не только на проблематике и художественном методе, но и на композиционной структуре их творений»⁷⁶. Русский роман, начиная с «Евгения Онегина», также по-своему ломал структуру жанра.

Однако, замечает А. А. Сабуров, основной жанровый признак романа долго сохранялся в русской художественной прозе. Структура романа определялась судьбой одного героя, а сюжетная завязка и развязка основывались чаще всего на любовной коллизии. Столкнувшись с этим, автор «Войны и мира» поднял «бунт» против канонов романического жанра, однако в полной мере воспользовавшись всеми его художественными элементами — экспозицией, завязкой и т. д.

Какой же представляется А. А. Сабурову жанровая структура «Войны и мира»? «Эпическая основа толстовского повествования, — пишет он, — вобрала в себя элементы романической композиции, ее сюжетную структуру и образную систему, подчинив их себе. Однако эти сюжетные линии и образная система в значительной степени сохраняют свое значение: в „Войне и мире“ нет одного ведущего „романа“ (т. е. повествования, построенного на развитии личных судеб одного героя), но в „Войне и мире“ есть некоторое множество „романов“, которые и порознь и все вместе подчинены общей закономерности — закономерности последовательного исторического повествования, охватывающего жизнь всего русского „мира“»⁷⁷.

«Война и мир», по А. А. Сабурову, и роман и национально-героическая эпопея. И, пожалуй, эпопея прежде всего, ибо господствующим началом «Войны и мира» является величественная эпическая тема, раскрывающаяся во всех элементах произведения. А в итоге А. А. Сабуров, как мы видели, предлагает называть «Войну и мир» *романом нового типа*⁷⁸.

Итак, роман-эпопея или роман нового типа — таковы два новейших ответа на вопрос о жанровом своеобразии «Войны и мира», поставленный Толстым почти сто лет назад. Обе «стороны» выдвигают веские аргументы, к которым нельзя не прислушаться. В то же время наличие двух различных точек зрения на жанровую природу «Войны и мира» заставляет сделать вывод о том, что проблема художественного новаторства Толстого еще далеко не изучена и не разрешена нашими исследователями.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что поиски точных определений жанра «Войны и мира» не есть «игра в термины», а насущная задача, с решением которой связано полное раскрытие значения того вклада, который Толстой внес своим бессмертным произведением в развитие русской и мировой литературы.

Успешная разработка этой проблемы зависит от степени теоретического исследования таких проблем литературоведения, как вопросы жанра, специфика реализма, соотношение художественного метода и мировоззрения и др. В особенности же от состояния теории литературы зависят верное решение вопроса о значении традиции Толстого для современной советской литературы и литературы зарубежных стран.

Вопрос о традициях Толстого связан в нашей литературной науке с общим вопросом об отношении советских писателей к наследию классиков.

В решении этого вопроса были неверные тенденции. Одни из литературоведов и критиков еще недавно утверждали, что в творчестве Толстого, Короленко и Чехова обнаружился кризис и упадок реализма и что новый художественный метод — социалистический реализм, пришедший в литературу с Горьким, знаменовал полную замену «старого» метода критического реализма, отжившего свой век. Это была одна крайность.

Литературоведы и критики, впадавшие в другую крайность, утверждали, что социалистический реализм служит простым продолжением критического реализма и не заключает в себе ничего принципиально нового.

Эти обе крайности проявились и в разработке одной из наиболее популярных в литературоведении темы «Толстой и Шолохов» как части общего вопроса о традициях Толстого в советской литературе. Останемся на этой теме подробнее, поскольку в освещении ее особенно ярко проявились два принципиально различных методологических подхода.

В книге И. Г. Лежнева «Михаил Шолохов» (М., 1948) вопрос о преемственности автором «Тихого Дона» толстовских традиций сводился к простому сопоставлению внешне сходных ситуаций, отдельных деталей и частностей. Автор, например, пишет: «Параллель между семейной драмой Аксиньи Астаховой и Анны Карениной очевидна». «Некоторые штрихи в наброске Дуняшки напоминают сходственные черты Наташи Ростовской». Там же автор сравнивает Ильинишну и старую графиню Ростову.

И. Г. Лежнев пытается «проследить и черты глубокого принципиального различия в пределах этой сходственности» и пишет, что Анна Каренина низко «опускала свою когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову». Аксинья же Астахова «гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову».

При этом критик указывает, что Толстой осуждает свою Анну, а Шолохов «сочувствует своей героине»⁷⁹.

Если И. Г. Лежнев не идет дальше внешних сопоставлений героев «Тихого Дона» и «Войны и мира» и сводит всю проблему к учению Шолохова у Толстого, то автор монографии о «Тихом Доне» Л. Г. Якименко справедливо говорит о том, что проблема традиций гораздо шире и сложнее, нежели вопрос об учебе у писателей-классиков. В традиции (которая «подкрепляется учебой, влиянием») осуществляется преемственность развития искусства и литературы на разных исторических этапах. Она проявляет себя «и в отношении к действительности и в подходе к изображению человека, к выявлению его сущности».

Л. Якименко указывает, что можно изучать развитие традиций Толстого и в том, как изображается народ, и как развивается жанр эпопеи, и в том, как разрабатываются формы психологического анализа («диалектика души», внутренний монолог и др.). Но высказав эти верные соображения, Л. Якименко в своей монографии ограничился лишь отдельными сопоставлениями «Тихого Дона» и «Войны и мира»⁸⁰. В последней главе книги, посвященной особенностям жанра и стиля «Тихого Дона», автор сделал попытку обзора развития жанра эпопеи в русской литературе. «Война и мир» заняла видное место в этом обзоре, но вопрос о продолжении и развитии Шолоховым традиций Толстого как эпического писателя сколько-нибудь отчетливого освещения в этой главе не получил.

Более двадцати лет назад сам Шолохов, в беседе с корреспондентом «Известий», высказал такие мысли по поводу сравнения его героини с Анной Карениной:

«Известно, что тема „Анны Карениной“ была подсказана Толстому жизнью, каким-то имевшим место эпизодом — такая же семья, такие же переживания, с такой же трагической развязкой. Однако разве нам, чи-

тателям, есть дело до этого? Мы знаем одну Каренину, которую написал Толстой. Эта Каренина нам дорога. Я ставил себе задачей создать мою Аксинью живой. Показать ее со всеми ее поступками, оправданными и убедительными»⁸¹.

Легко увидеть, что Шолохов говорит здесь о творческом методе Толстого, о том, что он изучает творческий опыт автора «Анны Карениной», учится мастерству изображения героев живыми. Подобно Толстому, он находит своих героев в самой действительности, в жизни. Правда, Шолохов в той же беседе подчеркнул, что «буквально такой ситуации не было в жизни. Но вообще жизнь деревни, казачьей станицы пестрит такими историями».

Образ Аксиньи в «Тихом Доне», как и Анны Карениной у Толстого, — поэтический образ, взятый из жизни, но созданный по законам искусства.

В той же беседе Шолохова мы находим и ответ на прямой вопрос о его отношении к Толстому.

— Находились ли вы, создавая «Тихий Дон», под чьим-нибудь влиянием? Правда ли, что на вас сильно влиял Лев Толстой? — спросил корреспондент. И вот ответ Шолохова:

— Толстой недостижим. Существуют такие писатели, — это не в порядке самокритики, — на которых Толстой и Пушкин не влияют... Ей-богу, на меня влияют все хорошие писатели. Каждый по-своему хорош. Вот, например, Чехов. Казалось бы что общего между мною и Чеховым? Однако и Чехов влияет! И вся беда моя и многих других в том, что влияют еще на нас мало.

Не научились мы еще писать, как старики писали. Это отнюдь не самоуничтожение. Но все же работаем мы не в полную мощь... Не хватает еще у нас культуры. Возьмем Чехова. Чехов никогда не выпускал полуфабрикатов. И брака у него не найдешь...

Как будто бы Шолохов ушел от прямого ответа на вопрос. Но, в действительности, он дал на него вполне ясный ответ. Да, Толстой на него влияет, как и все хорошие писатели, но — «Толстой недостижим» как художник. В телеграмме, присланной в 1953 г. Музею Л. Н. Толстого, Шолохов снова подчеркнул эту мысль: «Лев Толстой, — пишет он, — навсегда останется в русской и мировой литературе величавой, недосыгаемой вершиной».

Из такого понимания творчества Толстого, как высшего критерия искусства, Шолохов делает вывод: нашим писателям надо учиться писать у «стариков», а для этого надо работать и работать, осваивать литературное наследие прошлого, совершенствуя свое мастерство.

Ромен Роллан, внимательно следивший за развитием советской литературы, писал в 1935 г., что «лучшие новые произведения советских писателей (например, Шолохова) связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого»⁸².

Об органической преемственности творчества Толстого и Шолохова говорил А. Н. Толстой, отметивший в своем отзыве о «Тихом Доне», что Шолохов «начинает новую народную прозу, скрепляя ее со старыми богатырями»⁸³.

В создании «новой народной прозы», продолжающей традиции Толстого и других «старых богатырей» русской литературы, участвовали многие мастера советского романа, возглавляемые Горьким: Шолохов и Фадеев, Алексей Толстой и Федин, Серафимович и Фурманов, Гладков и Катаев, Леонов и Соболев, — и все те, кто внес свой вклад в создание эпических полотен о жизни советского общества.

Можно было бы назвать много работ советских литературоведов и критиков, где освещаются темы «Толстой и Горький», «Толстой и Фадеев»,

«Толстой и Алексей Толстой» и т. д. Для них характерны те же тенденции, что и для исследований на тему «Толстой и Шолохов»: от сопоставлений чисто внешнего характера их авторы переходят к выяснению влияния на творчество советских писателей художественной традиции Толстого⁸⁴.

Дальнейшая разработка темы «Толстой и литература социалистического реализма» должна вестись в плане все более глубокого постижения форм и методов преемственности советской литературой всего лучшего, что создал критический реализм, высшим достижением которого явилось творчество Толстого.

Вопрос о традициях Толстого имеет большое значение и для судеб современной зарубежной литературы.

На Западе есть критики, которым «не нравится» влияние Толстого на современных писателей, и они пытаются уверить их в том, что Толстой якобы «устарел». Прекрасным ответом на подобные уверения служит «Письмо к друзьям на Западе о поездке в Советский Союз», принадлежащее перу Анны Зегерс. С увлечением рассказывая о своем изучении рукописей «Войны и мира», называя это произведение «неотъемлемой частью нашей общей мировой культуры», Анна Зегерс убежденно утверждает: «Мы можем научиться у Толстого больше, чем у большинства других эпических писателей»⁸⁵.

О значении Толстого для литератур стран социалистического лагеря имеются авторитетные свидетельства виднейших писателей этих стран. «Его произведения уже пустили корни в Китае, — говорит, например, Лао-Шэ. — Он оказал влияние на всех писателей новой литературы <...> Все хотят овладеть его ширью и глубиной...». Лао-Шэ высоко ценит и другие стороны творческого метода Толстого. «Молодежь любой страны, — пишет он о Толстом, — должна учиться у него, учиться его добросовестности, учиться той серьезности, с которой он пропагандировал правду в своих художественных произведениях»⁸⁶. Вопреки беспочвенным попыткам некоторых зарубежных критиков объявить наследие Толстого «устаревшим», прогрессивные писатели и Запады и Востока настойчиво проходят «школу Толстого», усваивая и развивая его великие традиции.

Суждения многих советских и зарубежных писателей о значении толстовских традиций для современной эпохи как бы подытожены в следующих словах К. А. Федина: «Лев Толстой — мировая школа литературного искусства. Это русская литературная школа, вызвавшая небывало широкое течение художественной мысли на земном шаре. Это школа, в которой наша советская литература черпает познание искусства и вдохновение к своим новым трудам о новом человеке»⁸⁷.

В этих словах выражена уверенность в том, что для литературы нашей страны и передовой литературы других стран всегда будут жить традиции Толстого, учившего писателей страстно жить интересами своего века и в то же время создавать произведения, устремленные к грядущим дням, обращенные к грядущим поколениям.

* * *

Изучение толстовского наследия проходит у нас в обстановке творческих споров и дискуссий. Это лишний раз показывает всю беспочвенность и вздорность выдумок буржуазных литературоведов Запады и США о неких стандартах и шаблонах, якобы господствующих в советском литературоведении. Сохраняя верность ленинской концепции Толстого, беря наследие писателя под защиту от тех, кто пытается его исказить и опознать, наше литературоведение ищет новые пути для все более глубокого его постижения.

Из множества задач, стоящих перед изучающими Толстого, мы более или менее подробно остановились преимущественно на двух — разработке научной биографии писателя и монографического исследования, охватывающего его творческую деятельность во всей целостности. Из всего многообразия проблематики, разрабатываемой специалистами, мы привлекли внимание к двум проблемам — природе художественного новаторства Толстого и значению его традиций для современной литературы. Эти задачи и проблемы, на наш взгляд, являются «ключевыми» и первоочередными. Но с ними, разумеется, связано большое число других задач и проблем, также имеющих важнейшее значение. Среди них следует назвать такие проблемы, как особенности художественного метода Толстого, своеобразие его реализма, творческая индивидуальность писателя, эволюция его творческого развития и связанные с нею вопросы периодизации творчества, место Толстого в истории русской и мировой литературы, его роль в художественном развитии всего человечества. В каждой из названных проблем выделяются соподчиненные проблемы и вопросы, например, изучение художественного метода Толстого связано с исследованием его языка и стиля (видное место занимают здесь работы В. В. Виноградова⁸⁸), принципов типизации, разработанных писателем, анализом форм толстовского психологизма, принципов толстовского историзма и т. д.

Советское литературоведение имеет немалые достижения в разработке наследия великого писателя. Накопив богатейший опыт, наша литературная наука обладает всеми возможностями для того, чтобы еще более повысить уровень изучения творчества Толстого и успешнее решать те задачи, которые выдвигает перед нами время.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 293.

² Сведения о тиражах получены из Всесоюзной книжной палаты.

³ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 296.

⁴ «Курьер Юнеско», 1957, февраль, стр. 13.

⁵ «Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки. Зарубежные издания». М., изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.

⁶ «Библиография литературы о Л. Н. Толстом. 1917—1958». М., изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.

⁷ В. В. Ермилов. Большой день. — «Литературная газета», 1960, № 87, от 23 июля.

⁸ «Вопросы литературы», 1957, № 5, стр. 116.

⁹ А. В. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958, стр. 15, 129, 188, 252, 258, 281, 282.

¹⁰ Там же, стр. 163, 164.

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 179.

¹² Там же, стр. 184.

¹³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

¹⁴ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 17. М., 1952, стр. 39.

¹⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 301—302.

¹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 237.

¹⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

¹⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 294—295.

¹⁹ Там же, стр. 302.

²⁰ Там же, стр. 301.

²¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

²² В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 301.

²³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 221.

²⁴ В письме к Горькому в декабре 1913 г., критикуя «идею бога и богостроительства» и указывая, что она «явно реакционна», Ленин далее писал: «Вы хотите этим сказать „доброе и хорошее“, указать на „правду-справедливость“ и тому подобное. Но это ваше доброе желание остается вашим личным достоинством, субъективным, невинным пожеланием». Указывая, что суть написанного определяется не «добрым пожеланием», а «объективным соотношением классов», Ленин продолжает: «...выходит так, что вы подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II

и гг. Струве, ибо на деле идея бога им помогает держать народ в рабстве» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 92—93). Этот приведенный нами пример не следует, разумеется, рассматривать как аналогию между богостроительством и религиозно-правственным учением Толстого.

²⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295. — Курсив наш. — К. Л. и Б. М.

²⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 32.

²⁷ Там же, стр. 29.

²⁸ Е. Н. Курьянова. Лев Толстой и мировая литература. — «Литературная газета», 1957, № 144, от 3 декабря; С. А. Розанова. Работа о мировом значении Л. Толстого. — «Вопросы литературы», 1957, № 5, стр. 9 и др.

²⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

³⁰ Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 4.

³¹ Д. П. Маковицкий. Яснополяские записки. Запись от 15 марта 1910 г. Рукопись. — АТ.

³² Н. Н. Гусев. Указ. соч., стр. 5.

³³ Материалы архива М. Н. Толстой подготовлены к печати Р. Б. Заборовою. Часть из них публикуется в «Яснополянском сборнике. Год 1960».

³⁴ В. Д. Поликарпов. Неизданная рукопись Л. Н. Толстого. — «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 196—202; е го же. Новое о Л. Н. Толстом. — «Советский флот», 1958, № 212, от 9 сентября.

³⁵ Особенно показателна в этом отношении статья Я. Лаврина «Толстой и Ганди», напечатанная в упомянутом выше «толстовском» номере американского журнала «The Russian Review» (Нью-Йорк, 1960, апрель). Автор этой статьи весь смысл и учения Толстого и учения Ганди сводит к «непротивлению злу», полностью игнорируя значение сильных сторон и в наследии Толстого и в деятельности Ганди.

³⁶ А. И. Шифман. Толстой и Восток. М., Изд-во восточной литературы, 1960.

³⁷ И. Ф. Ковалев и К. Черевков. 1180 дел. — «Огонек», 1953, № 36.

³⁸ Ряд неизвестных до сих пор документов, относящихся к финальным событиям жизни писателя, а также к студенческим и рабочим демонстрациям, вызванным его смертью, публикуются: 1) в новой книге Б. С. Мейлаха «Уход и смерть Льва Толстого». М., 1960, и 2) в публикации Г. М. Лишица и А. Л. Смоляк «Политическая борьба вокруг смерти Толстого», печатаемая во 2-й книге настоящего тома.

³⁹ Е. С. Серебровская. Записка Николая I о казни декабристов. — «Новый мир», 1958, № 9, стр. 276—278.

⁴⁰ По поводу казней декабристов. Заметка кн. Д. Д. Оболенского. — «Наша старина», вып. 2. Пг., 1917, стр. 35—36.

⁴¹ «Летопись», I, стр. 4.

⁴² «Вопросы литературы», 1959, № 9, стр. 235.

⁴³ Замечания, вставки и добавления Толстого к рукописи его «Биографии», составленной П. И. Вирюковым, опубликованы в т. 34, с. 394—406.

⁴⁴ Н. Н. Гусев. Жизнь Л. Н. Толстого. Молодой Толстой (1828—1862). М., 1927; Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862—1877). М., <1928>.

⁴⁵ Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 г., стр. 3.

⁴⁶ Летописи Гос. Литературного музея, кн. 12. Л. Н. Толстой, т. II. М., 1948, стр. 146.

⁴⁷ А. И. Шифман. — «Известия Академии наук. Отделение литературы и языка», т. XIV, вып. 3, 1955, стр. 295—297.

⁴⁸ Б. С. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы. Изд. 3-е. Л., 1956; е го же. Лев Толстой в период реакции (1908—1910) — в сб. «Вопросы литературы и жизни». Л., 1958; е го же. Лев Толстой в годы первой русской революции. — «Русская литература», 1958, № 1; А. И. Шифман. Публицистика Толстого в период первой русской революции. — «Яснополянский сборник». М., 1957; см. также главу «Л. Н. Толстой» в т. IX «Истории русской литературы». М. — Л., 1956; пред. Е. Н. Курьяновой к т. 75 Собр. соч. Толстого и Л. Д. Опуховской к т. 57; е е же статью «Позднее творчество Толстого» — в сб. «Творчество Толстого». М., 1955.

⁴⁹ В. М. Фриче. Л. Н. Толстой. Сборник статей. М., 1929.

⁵⁰ И. Л. Альтман. Литературные споры о книге Г. Лукача «К истории реализма». — «Красная новь», 1940, № 2, стр. 116—133; В. В. Ермилов. Литературные споры. — «Комсомольская правда», 1940, № 35, от 12 февраля; В. Я. Кирпотин. Важные вопросы литературоведения и критики. — «Литературная учеба», 1940, № 4-5, стр. 24—33; М. И. Серебрянский. К спору о книге Г. Лукача. — «Литературная газета», 1940, № 8, от 10 февраля.

⁵¹ «Литературное наследство», т. 35-36, 1939, стр. 68.

⁵² Статья впервые напечатана в «Литературной энциклопедии», т. 6. М., 1932.

⁵³ И. И. Анисимов. За ленинскую критику взглядов Плеханова. — «На литературном посту», 1931, № 34, стр. 27—36 (сокращенный вариант статьи — см. в «Лит. газете» от 3 декабря 1931); Н. А. Глаголев. Ленин и Плеханов о Льве Толстом. — «На лит. посту», 1931, № 20-21, стр. 5—12; № 23, стр. 33—41.

- ⁵⁴ Б. С. Р ю р и к о в. О творчестве Л. Толстого и некоторых его истолкователях. — «Культура и жизнь», 1947, № 2, от 21 января.
- ⁵⁵ Е. Н. К у п р е я н о в а. Лев Толстой и его исследователи. — «Литературная газета», 1955, № 95, от 11 августа.
- ⁵⁶ З. С. Ш е п е л е в а. Книга о великом писателе. — «Знамя», 1955, № 12, стр. 184.
- ⁵⁷ С. П. Б ы ч к о в. Л. Н. Толстой. Очерк творчества. М., 1954, стр. 117.
- ⁵⁸ Извлечения из этой работы — см. в статье Э. Е. З а й д е н ш н у р «История писания и печатания „Войны и мира“» — т. 16, стр. 19—140 и в настоящем томе.
- ⁵⁹ С. П. Б ы ч к о в. Указ. соч., стр. 274.
- ⁶⁰ З. С. Ш е п е л е в а. Указ. рец., стр. 184.
- ⁶¹ «История русской литературы», т. IX, ч. 2. М. — Л., 1956, стр. 449.
- ⁶² Там же, стр. 451.
- ⁶³ Там же, стр. 495, 519.
- ⁶⁴ Там же, стр. 588.
- ⁶⁵ Сб. «Творчество Л. Н. Толстого». М., Изд-во АН СССР, 1954.
- ⁶⁶ Там же, стр. 5—6.
- ⁶⁷ Там же, стр. 6.
- ⁶⁸ Т. Л. М о т ы л е в а. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., 1957, стр. 207.
- ⁶⁹ Там же, стр. 179—180.
- ⁷⁰ Б. И. К а н д и е в. К вопросу о жанре романа «Война и мир» Л. Н. Толстого. — «Ученые записки Северо-Осетинского пед. института», т. XIX, 1953; Б. С. В и н о г р а д о в. О некоторых художественных особенностях романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». — «Ученые записки Грозненского пединститута», 1953, № 8; С. П. Б ы ч к о в. Роман «Война и мир». — В кн.: «Л. Н. Толстой. Сборник статей». М., Учпедгиз, 1955; С. И. Л е у ш е в а. Особенности жанра «Войны и мира». — В кн.: «Роман Л. Н. Толстого „Война и мир“». М., 1957.
- ⁷¹ А. В. Ч и ч е р и н. Указ. соч., стр. 17.
- ⁷² Там же, стр. 27.
- ⁷³ См. рецензии Е. Эткинда («Звезда», 1960, № 1) и А. Кудряшевой («Вопросы литературы», 1960, № 7).
- ⁷⁴ Т. Л. М о т ы л е в а. Монография о «Войне и мире». — «Новый мир», 1960, № 6, стр. 259.
- ⁷⁵ А. А. С а б у р о в. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика. М., 1959, стр. 592.
- ⁷⁶ Там же, стр. 311—312.
- ⁷⁷ Там же, стр. 311.
- ⁷⁸ Там же, стр. 592.
- ⁷⁹ И. Г. Л е ж н е в. Михаил Шолохов. М., 1948, стр. 420, 422, 428.
- ⁸⁰ Л. Г. Я к и м е н к о. «Тихий Дон» М. Шолохова. М., 1958, стр. 163—165, 331—332, 451—456.
- ⁸¹ И. Э к с л е р. В гостях у Шолохова. — «Известия», 1937, № 305, от 31 декабря.
- ⁸² Сб. «Михаил Шолохов». Л., 1956, стр. 131.
- ⁸³ Там же, стр. 271.
- ⁸⁴ Тема «Горький и Толстой» рассматривается в ряде исследований и статей (Б. А. Бялика, И. А. Груздева, В. А. Десницкого и др. — К. Д. М у р а т о в а «Семинарий по Горькому». Л., 1958, стр. 117—120), но преимущественно в плане оценок Горьким Толстого и личного общения этих писателей. Исследование связи творчества Горького с традициями Толстого — дело будущего. Из других проблем, объединенных темой «Традиции Толстого в советской литературе», внимание исследователей, в плане преемственности принципов творческого метода, привлекала проблема «Фадеев и Толстой»: такая постановка вопроса дана в «Истории советской литературы», т. I. М., 1958; т. II. М., 1960, в работах А. С. Бушмина «Роман А. Фадеева „Разгром“». Л., 1954 и В. М. Озерова «Творческий путь А. А. Фадеева». М., 1960.
- ⁸⁵ «Лев Толстой. Материалы и публикации». Тула, 1958, стр. 209—219.
- ⁸⁶ В переводе с китайского опубликовано в статье К. Н. Ломунова «Лев Толстой и современность». — «Литература и жизнь», 1958, № 66, от 7 сентября.
- ⁸⁷ Ковст. Ф е д и н. Искусство Льва Толстого. — В его кн.: «Писатель. Искусство. Время». М., 1957, стр. 23.
- ⁸⁸ Статья В. В. Виноградова «О языке Толстого (50—60-е годы)» содержит глубокие наблюдения над языком и стилем романа «Война и мир» («Литературное наследство», т. 35-36, 1939, стр. 117—220). Написанная более 20 лет назад, она во многом сохранила свое значение и по способам стилистического анализа художественного произведения и по выводам. Краткую характеристику языка и стиля «Войны и мира» В. В. Виноградов дает также в книге «О языке художественной литературы» (М., 1959, стр. 627—636).